

Э. У. Тозер Стремление к Богу

Наследие Тозера

Мир в душе — плод истинного стремления к Богу — редко встречается среди христиан XX века. Слишком многие теперь принимают душевную суету и нервные потрясения за нормальное явление и прекращают искать Бога всем сердцем. Некоторые в надежде обрести этот мир оставляют города и бегут в уединенные убежища, но, увы, находят там все то же беспокойство и тревогу.

Э. У. Тозеру посчастливилось открыть для себя секрет душевного покоя, и он поделился этим открытием с христианской общиной. Произошло это в суете и шуме Чикаго, где он жил в тесном общении с Богом. Он никогда не находил большого удовольствия в уединенном образе жизни. Появившись на свет в бедной семье, он терпел лишения и нужду с ранних лет, по крайней мере с тех пор как помнил себя.

Ко Христу он пришел в возрасте 15 лет, когда на улице (в Акроне, штат Огайо) услышал одного проповедника. Эйден присоединился к методистской церкви и стал активным свидетелем Христа. Темный подвальный угол отчего дома был для него тайным местом молитв. Именно там, в самом начале своей христианской жизни, Тозер положил основание тому, что впоследствии обратится в правило: всегда и во всем полагаться на Бога.

Вскоре Тозер становится проповедником без духовного сана, но его служение воспринимается церковной общиной неодобрительно, и он решает вступить в Христианско-миссионерский Союз (the Christian and Missionary Alliance), где в дальнейшем его способности находят достойное применение. Талант проповедника вскоре обеспечивает ему постоянное место — в 1919 г. окружной суперинтендент назначает Тозера пастором Союзной церкви (the Alliance Church) в Наттер-Форт, штат Западная Вирджиния. За пасторской деятельностью в Толедо и Индианаполисе последовало приглашение в 1928 г. в Южную Союзную церковь (Southside Alliance Church) Чикаго, штат Иллинойс. Он остается на служении в этой общине в течение тридцати одного года. Союзная церковь в Торонто (Онтарио, Канада) стала последним местом его служения.

В течение многих лет, будучи пастырем церковной общины в Чикаго, Тозер выступает с проповедями на радиостанции Библейского института Мооди WMBI. Тысячи рядовых членов церкви и пасторов регулярно слушают его размышления о библейской истине в передаче «Размышляя с пастором».

В 1950 г. Генеральный совет Христианско-миссионерского Союза назначает Тозера редактором газеты «The Alliance Witness» (ныне «Alliance Life»), и на этом посту он остается вплоть до самой смерти.

Эйден У. Тозер многие годы посвятил самообразованию, он прилежно учился и постоянно молил Бога открыть Его намерения. Поиски истины для него были тождественны поискам Бога. Например, когда ему надо было понять великие произведения Шекспира, он прочитывал их, стоя на коленях и умоляя Бога помочь ему проникнуть в смысл. Этому способу самообразования Тозер оставался верен всю свою жизнь.

Э. Тозер не получил формального образования и только лишь с помощью Святого Духа и добрых книг стал богословом, ученым, проповедником и знатоком английского языка. В его трудах вы не встретите множества цитат, поскольку он усвоил все прочитанное настолько, что мог свободно излагать свои мысли простым, но ярким языком. Он говорил о принципах истинной правды, которые открылись ему в течение многолетних бдений над словом Божиим. Особенно тщательно он изучал труды евангельских мистиков. Жажду сильных желаний души он утолял, поддерживая общение с теми, кто носил в себе свет

духовный даже в те времена, когда казалось, что богоотступничество и духовная тьма проникли почти повсюду.

Книга «Стремление к Богу» — плод глубоких личных переживаний Тозера, она дает богатую пищу для размышлений. Глава под названием «Блаженство самоотречения» отразила отчаянные усилия автора привести к Богу свою единственную дочь. Тозеру пришлось выдержать невероятно напряженную битву, но когда она завершилась полной капитуляцией врага, наступило время для еще одного славного пиршества. Именно реальная жизнь являлась той школой, где Тозер брал уроки богословия.

С тех пор как в 1948 году увидело свет первое издание этой книги, вышли из печати и разошлись по свету сотни тысяч экземпляров ее на нескольких языках. Хотя благоприятные отзывы встречает все творческое наследие Тозера, книга «Стремление к Богу», как и раньше, остается самой популярной.

Работа над этой книгой помогла Э. У. Тозеру глубоко проникнуть в мир духовного. Биограф Тозера, д-р Дэйвид Дж. Фант-младший, следующим образом описывает этот процесс: «Он писал свою книгу, буквально стоя на коленях. Быть может, именно в этом и кроется секрет ее силы и благословения».

Книга продолжает приносить пользу, и, возможно, это связано с открытием, которое сделал Тозер: он понял, что поиски Бога несколько не ограничивают человека, наоборот, они приводят его к тому совершенству, которое предопределено лично для него.

Э. У. Тозер явился до некоторой степени пророком двадцатого века, вновь призывающим современную ему церковь стремиться к благочестию и духовности, к тому состоянию, которое еще в апостольские времена было присуще каждому, кто со всей серьезностью начинал искать Бога. Из всего писательского наследия Тозера ничто не отвечает нашим глубочайшим сердечным потребностям лучше, чем его книга «Стремление к Богу».

Предисловие

Ныне, когда почти повсюду властвует тьма, пробивается один ободряющий луч: в среде консервативно настроенных христиан все чаще появляются люди, чья религиозная жизнь характеризуется горячим стремлением к живому Богу. Они исполнены жажды святой истины, и их не успокаивают «правильные» слова или подходящее «толкование» истины. Их мучит жажда Самого Бога, та жажда, которую невозможно утолить, не припав к источнику чистой живой воды.

Вот единственный подлинный предвестник духовного пробуждения, который мне удалось заметить на всем религиозном горизонте. Речь идет, быть может, о небольшом, величиной с человеческую ладонь облаке. Оно, это облако, может воскресить к жизни многие души и вернуть то лучезарное чудо, которое должно сопровождать веру в Христа, чудо, которое почти не проявляется в церкви Божьей в наше время.

Эту жажду живого Бога должны почувствовать и наши церковные деятели. Нынешние евангельские церкви воздвигли жертвенник, разделили жертвоприношение на части и успокоились на этом, довольствуясь пересчетом камней и реконструкцией деталей. Никому и дела, кажется, нет до того, что уже не подают огня с вершины высокой горы Кармил. Но, слава Богу, есть еще немногие, которым это не безразлично. Таковые, хотя и любят жертвенник Божий, и жертвоприношение приносит им наслаждение, все же не могут смириться с удручающим отсутствием алтарного огня. Все их желания направлены к Богу. Они жаждут вкусить «пронзительно сладкой» любви Христа, которую описывали и прославляли святые пророки и псалмопевцы.

В наше время нет недостатка в служителях, способных объяснить Библию и правильно изложить христианские доктрины, однако, мне кажется, очень многие из них свыкаются с тем, что они, из года в год наставляя учеников в правилах веры, сами в своем служении не испытали непосредственной близости Бога, и ничего исключительного, из ряда вон

выходящего, в их судьбах не происходит. Они верой и правдой учат христиан, в груди которых горит тоска по Богу, хотя тоску эту утолить их учение не в силах.

Надеюсь, что говорю в братолюбии, и потому заявляю, что наши проповедники действительно подобной тоски не утоляют. Страшный приговор, прозвучавший из уст Мильтона, не утратил своей актуальности и донныне: «Голодные овцы поднимают взоры и... остаются без корма». Это серьезный вопрос, и немалый позор для Царства, когда чадам Божиим недостает пищи за столом Отца. Правдивость слов Уэсли подтверждается на наших глазах: «Ортодоксия, иначе говоря, чистое учение, есть в лучшем случае весьма незначительный раздел религии. Если целомудрие вне чистого учения невысказано, то чистое учение вне целомудрия вполне допустимо. Сочетание чистого учения о Боге с отсутствием целомудрия и любви к Нему вполне реально. Сам сатана — доказательство этому».

В наши дни благодаря библейским обществам и другим действенным органам, которые сеют Слово, многие миллионы людей придерживаются «правильных мнений»; может быть, этих людей гораздо больше, чем когда бы то ни было в истории церкви. И тем не менее вряд ли когда-нибудь было время, когда в богослужении отмечался больший упадок, нежели теперь. Многие церкви полностью утратили творческие принципы богослужения; на их место явилось нечто инородное и чуждое под названием «программа». Этим заимствованным с подмостков эстрады словечком горькая житейская мудрость назвала ту модель церковного служения, которая ныне почитается между нами за богослужение.

Здравое толкование Библии в церкви живого Бога есть настоятельная необходимость. Без этого никакая община не станет новозаветной церковью в строгом смысле этого слова. Однако случается, Библию толкуют и так, что слушатели остаются без всякого духовного подкрепления. Ведь душу питают не просто слова, но Сам Бог, и до тех пор пока слушатели не найдут Бога лично, услышанная истина не принесет им ничего. Библия не последняя инстанция, она — средство, предназначенное приводить людей к сокровенному и отвечающему потребностям души познанию Бога, чтобы, соединившись с Ним, они могли испытать наслаждение пред лицом Его, глубочайшее наслаждение от близости живого Бога, самой Его сущности.

Книга «Стремление к Богу» — это скромная попытка помочь чадам Божиим, алчущим найти Его. Здесь нет ничего нового, если не считать некоторого открытия, которое совершило мое сердце в духовной сфере, для меня всего более восхитительной и поразительной. Предшественники мои проникли в эти святые тайны дальше моего, и пусть мой огонь не так сильно полыхает, как у них, он по крайней мере реален, и хочется верить, что найдутся люди, которые от его пламени зажгут и свои светильники.

Э. У. Тозер Чикаго, Иллинойс, 16 июня 1948 г.

1. Припадая к Богу

К Тебе прилепился душа моя; десница Твоя поддерживает меня

Пс.62:9

В христианском богословии есть доктрина о предшествующей благодати. Это означает, что Бог первый нашел человека, еще до того как человек попытался искать Его.

Прежде чем греховный человек сможет составить себе верное представление о Боге, должна быть проведена огромная просветительская работа. Дело просвещения бывает и несовершенным, и только свет истины может стать причиной поисков, молитв и устремлений к Богу.

Мы ищем Бога потому, и только потому, что Он прежде вложил в нашу душу это желание искать Его. «Никто не может придти ко Мне, — говорит Господь, — если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Ин.6:44). Именно потому что Бог первый привлекает нас, мы не можем ставить себе в заслугу наше обращение к Нему. Побуждение искать Бога

исходит от Бога, и, только уступив этой силе, наша душа прилепляется к Нему. Когда мы начинаем искать Бога, мы уже в Его руке: «Десница Твоя поддерживает меня».

Нет противоречия между тем, что Бог «поддерживает», и тем, что человек «прилепляется». Все от Бога, ибо, как учит фон Хюгель, *Бог всегда предшествует*. Но в том случае, когда Божье действие порождает в человеческом сердце ответное чувство, человек должен искать Бога. Для того чтобы тайный призыв Божий привел в конечном счете к познанию Божественного, с нашей стороны должно последовать ответное позитивное действие. Псалом говорит об этом на языке чувств. «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс.41:2—3). Этот возглас псалмопевца о сокровенном поймет всякое жаждущее Бога сердце

Доктрина об оправдании верой — одна из библейских истин и в то же время это благословенное средство, исцеляющее от бесплодного формализма и тщетных попыток достичь спасения собственными силами. Но сегодня эта доктрина оказалась в «дурной компании», и многие толкуют ее так, что фактически она становится препятствием на пути к познанию Бога. Сверхъестественное действие духовного возрождения превратилось ныне в механическое и бездуховное. Вера теперь дается безо всяких нравственных потрясений и трудностей. Теперь Христа «получают», при этом в сердце «получателя» не пробуждается никакой особенной любви к Нему. Человек «спасен», однако назвать его алчущим и жаждущим Бога нельзя. В сущности его научили быть довольным и довольствоваться малым.

Современный ученый утратил Бога среди чудес сотворенного Им мира, и мы, христиане, стоим перед лицом несомненной опасности такой же утраты среди чудес Его Слова. Мы почти забыли о том, что Бог есть Субъект, Личность, и ничто не мешает нам, прилагая определенные усилия, обрести Бога, как мы познаем другую личность. Способность личности познавать другого человека есть прирожденное ее качество, однако немислимо полное познание одним субъектом другого в результате одностороннего контакта. Различные качества друг друга мы познаем только тогда, когда налажены длительные и сердечные взаимоотношения.

Любые общественные связи, любые отношения между людьми суть ответные чувства, отклики одной личности на призыв другой, это совокупность реакций от случайных столкновений человека с человеком до самого близкого соприкосновения, на какое способна человеческая душа. Религия, если она подлинная, как раз и представляет собой эту реакцию, ответное чувство, отклик существа сотворенного на Существо Творца, то есть Бога. «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин.17:3).

Бог есть Личность, и в сокровенной глубине Своего могущественного существа Он мыслит, проявляет волю, получает удовольствие, любит, желает и, наконец, страдает подобно любой другой личности. Открываясь человеку, Бог являет ту же структуру личности, которая хорошо знакома нам по себе. Он общается с нами с помощью нашего разума, воли и чувства. Когда между Богом и искупленной душой возникает сердечный и умственный диалог на основе постоянного и беспрепятственного общения, тогда-то и начинает пульсировать сердце новозаветной религии.

О таком общении Бога со спасенной душой мы узнаем через осознанные личные переживания. Эти переживания являются личными, поскольку на самом деле они возникают не в обществе верующих, а открываются каждому конкретному человеку, чтобы затем уже открыться всей семье через отдельных ее членов. Они являются осознанными, поскольку не остаются за порогом сознания, совершая там работу, неведомую для души (как, например, некоторые думают о работе, производимой крещением во младенчестве), но проникают в зону ясного сознания, где познаются человеком так же, как познаются им иные факты его жизненного опыта.

Мы с вами в масштабе меньшем (если не брать в расчет наши грехи) суть то, что Бог

есть в масштабе большем. Сотворенные по образу Его, мы обладаем способностью к богопознанию, только по грехам своим не имеем силы на это. С того момента, как Дух побуждает нас к духовному возрождению, мы всем своим существом начинаем ощущать, чувствовать и понимать свое родство с Богом и подобие Ему, и наше сердце готово выскочить из грудной клетки от радости узнавания. Именно это и есть рождение свыше, без него нельзя увидеть Царства Божьего. Однако все на этом не кончается, это только начало, ибо отныне начинается славный поиск, блаженное узнавание душой неизмеримых богатств Божества. Отсюда мы начинаем, но где бы мы ни остановились на этом пути, мы не встретим следов человека, а только величественные, внушающие благоговение и ужас мистические глубины Троиного Бога, которым нет границ и нет конца.

Безбрежный океан, кто даст Тебе имя?
Вокруг Тебя Твоя собственная вечность,
О Великий Бог!

Складывается парадоксальная ситуация: найдя Бога, мы продолжаем Его искать. Однако таков парадокс любви, и хотя он, несомненно, не берется в расчет формалистами от религии, довольными своим религиозным состоянием, но зато оправдывается блаженной жизнью сынов пламенного сердца. Св. Бернард Клервоский выразил этот божественный парадокс в музыкальном четверостишии, которое находит немедленное признание во всяком сердце, почитающем Бога.

Мы вкушаем Тебя, о живительный Хлеб,
И страстно желаем, продлить этот пир:
Мы пьем из Тебя, о великий Источник,
И души наши жаждут наполняться Тобой.

Обратитесь к святым ушедших времен, и вы почувствуете, как жарко дохнет на вас их пылкое стремление к Богу. Они скорбели о Нем, молились Ему и искали Его денно и ночью, а когда им удавалось найти Его, радость была тем слаще, чем дольше были поиски. Для Моисея, знавшего Бога, это стало лишь основанием, чтобы еще больше воспламениться желанием познавать Его. «Итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих» (Исх.33:13); и отсюда он возвысился до дерзости просить у Него: «покажи мне славу Твою» (Исх.33:18). Бог открыто радовался такому проявлению святой ревности и на следующий день призвал Моисея на гору Синай, и там в торжественном шествии пред Моисеем прошла вся слава Божья.

Вся жизнь Давида представляется бурлящим потоком духовной жажды, и в псалмах его слышны и призывный вопль удрученного старателя, и радостный возглас искателя, нашедшего наконец желаемое. Павел признавал, что движущей силой его существования было неодолимое стремление ко Христу. Девиз «Дабы я познал Тебя» отражал цель его сердечных устремлений, и ради этой цели он пожертвовал всем. «Да и все почитаю тщетой ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Фил.3:8).

Церковные песнопения мы любим за звучащую в них страстную жажду встречи с Богом, и хотя псалмопевец ищет Бога, он в то же время уверен, что уже нашел Его. «Я вижу след Его и следую за Ним», — пели наши отцы каких-то лет тридцать назад, но ныне этого гимна больше не слышно. Как ни печально и как ни прискорбно, но в наш мрачный день мы отдали поиски Бога на откуп своим учителям. Ныне все завершается актом принятия Христа, и после него от нас не ждут страстного желания иных откровений Божьих. Мы пойманы в силки фиктивной логики, которая назойливо утверждает, что если мы однажды нашли Бога, то далее искать Его уже не надо. Это логическое ухищрение выдают за последнее слово

ортодоксии и считают, что ни один почитающий Библию христианин не должен мыслить иначе. Таким образом, все многообразие свидетельств, открывающихся в молитвах, в поисках Бога, в возносящихся к Нему гимнах, решительно отвергается. Живое вероисповедание сердец, которых касается Господь, свидетельство всего сонма благоухающих святых отвергается в угоду ограниченному, самодовольному толкованию Священного Писания, несомненно диссонирующему с толкованиями Августина, Разерфорда и Брейнерда.

Однако в этом ужасном холоде, к счастью, еще теплится жизнь и есть несогласные с подобной формальной логикой. Именно они-то, надеюсь, и примут мой призыв отыскать уединенное место и в слезах обратиться: «Боже, покажи мне славу Твою». Они желают вкусить, прикоснуться сердцем, увидеть духовными очами чудо, каким является Бог.

Я совершенно сознательно хочу призвать к этой великой тоске по Богу. Отсутствие такой тоски и привело нас к современному столь нерадостному положению. Нельзя не видеть в безжизненных плодах современной религиозной жизни последствия утраты этого святого желания. Самодовольство смертельно опасно для всех форм духовного роста. Народу Божьему надлежит горячо стремиться к Богу, иначе Христос не явит Себя Своему народу. Христос хочет и ждет, чтобы Его возжаждали. Жаль, что многие из нас заставляют Его ждать долго, зачастую слишком долго и даже напрасно.

Любая эпоха имеет свои характерные особенности, отличительные черты. Мы живем в эпоху религиозной софистики. Настоящая простота во Христе встречается теперь между нами исключительно редко. Ее вытеснили программы, методы, лиги, союзы, общества и бешеная, требующая крайнего напряжения нервов деятельность, и все это крадет у нас время и занимает наше внимание, но в принципе неспособно удовлетворить сокровенные желания сердца. Отсутствие глубоких переживаний, неискренность в молитвах и это рабское, подбострастное угождение требованиям мира сего, свойственное нашей религиозной жизни, — все говорит о том, что наше знание Бога несовершенно и мир Божий в самом деле вряд ли знаком нам.

Если есть желание найти Бога в гуще этой нелепой религиозной мишуры, то надо решиться искать Его и стать на путь простоты. Ныне, как и всегда, Бог открывается «младенцам», таясь от мудрых и разумных. К Богу надо идти в простоте сердца. Следует расчищать дорогу к Нему, убирая всякие преграды и оставляя лишь самое существенное (и здесь обнаружится, что, по счастью, этого не так много). Надо перестать пускать пыль в глаза, производить впечатление, поскольку приближаться к Богу необходимо с детской прямоотой. Если это получится, то, несомненно, Бог не заставит Себя ждать.

Религиозная софистика разоблачила себя, и теперь мы едва ли нуждаемся в чем-нибудь, кроме живого Бога. Пагубная установка разыскивать *Бога плюс еще кое-что* препятствует встрече с Ним в полноте Его откровения. Но в этих розысках *плюс еще ...* как раз и кроется причина нашего несчастья. Если же отказаться от этого *плюс ...*, то мы вскоре отыщем Бога, а в Нем найдем то, о чем незаметно для нас самих тоскует наше сердце.

Не нужно бояться, что в поисках Бога мы сузим свое бытие или заключим в некие рамки желания своего сердца, пульсирующего жизнью. Наоборот. У нас достаточно оснований стремиться сделать Бога центром всех своих упований, пожертвовать ради Одного многим.

Автор манящего своей стариной классического английского труда под названием «Покров Неведомого» («Cloud of Unknowing») наставляет нас:

«Вознеси сердце твое к Богу, смиренно прося любви, и помысли о Нем Самом, а не о делах Его. При этом откажись и мечтать о чем бы то ни было, кроме как о Самом Боге. Дабы ничто не имело воздействия ни на ум твой, ни на волю, кроме Самого Бога. Лишь сей труд души твоей всего более угоден твоему Богу».

И далее он советует, чтобы мы в своих молитвах продолжали сдирать с себя все лишнее, в том числе и собственную теологию. «Ибо достаточно одной решимости устремиться к Богу без всякой иной причины, кроме Самого Бога». Между тем все его

рассуждения покоятся на крепком основании новозаветной истины, поскольку он поясняет, что под словом «Сам» он подразумевает «Бога, создавшего тебя и искупившего тебя, и по милости Своей призвавшего тебя и вознесшего до Своей высоты». Он также стоит за простоту: «...если бы понадобилось, — говорит он, — всю религию «свернуть» и свести к одному слову, дабы сделать сие наилучшим образом, обратись к простому, односложному слову, ибо таковое приятнее, чем двусложное, поскольку чем короче оно, тем лучше согласуется с работой Духа. Таким словом является слово Бог, а также слово Любовь».

Когда Господь Бог делил обетованную землю между коленами Израиля, Левий не получил удела в их земле, и части его не было ему между ними. Но сказал ему Бог просто: «Я часть твоя и удел твой», и этими словами сделал его богаче всех его братьев, богаче всех царей и раджей, когда-либо живших на этой земле. И это есть некий духовный закон, действительный для всякого служителя Бога Всевышнего.

Если Бог для человека — его сокровище, то у такого человека есть все. Такой человек или отказывается от всех земных сокровищ, или, когда Бог дает ему таковые, находит в них столь ничтожное удовольствие, что они не доставляют ему радости. Увидев, что его сокровища исчезают одно за другим, он не поколеблется от горечи утраты, поскольку с ним — Источник всего, в Одном он находит все богатства, все удовольствия, все наслаждения. И сколько бы ни утратил, он не теряет ровным счетом ничего, ибо ныне все сокровище его в Одном, и он владеет им совершенно, законно и во веки веков.

Господи, я вкусил от Твоей благодати, и это столь же насытило меня, сколь и вселило еще большую жажду по Тебе. И ныне с болью осознаю, как нуждаюсь в Твоей непрестанной милости. Я стыжусь немощи своих желаний. Господи, Боже Троица, я желаю познать Тебя, я жажду исполниться стремлением к Тебе. Яви мне славу Твою, молю Тебя, дабы мне воистину познать Тебя. Окажи милость Твою и соверши во мне снова труд любви Твоей. Скажи душе моей:

«Восстань, моя возлюбленная, прекрасная моя, приди ко Мне». Затем дай мне по благодати Твоей восстать и последовать за Тобою из сей туманной низменности, где скитаюсь я до сих пор. Во имя Христа Иисуса. Аминь.

2. Блаженство самоотречения

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное
Мат.5:3

Прежде нежели Господь Бог сотворил человека, Он приготовил для него на земле целый мир полезных и приятных вещей, чтобы насыщать его и радовать. В отчете о Творении из Книги Бытия все это названо просто «всякими вещами». Все, что было сделано Богом, было отдано человеку, причем с момента творения материальному назначено было быть в жизни человека чем-то внешним, несущественным, только средством. В глубине человеческого «я» оставалось святое место, куда входить достоин был только Бог. Внутри человека пребывал Бог; вне человека пребывало обилие даров, которыми Бог окружил его.

Однако грех осложнил все, превратив все дары Божьи в потенциальный, скрытый источник гибели человеческой души.

Наши горести начались с того момента, когда Бога вынудили покинуть Свою главную святыню, а Его место заняли вещи. Отныне они вступили во владение внутренним миром человека. Теперь человек по природе своей не может иметь мира в сердце, поскольку Бог в нем больше не правит и только мятежные и буйные захватчики сражаются за престол в этих нравственных сумерках.

И это не просто метафора, а результат тщательного анализа нашего реального духовного недуга. В средоточии человеческого сердца находятся крепкие, жилистые корни падшей жизни, которая по природе своей стремится обладать, обладать и обладать. Она рвется к этому с яростным вожделением и пылкой страстью. Местоимения *мой, моя, мое* на

бумаге представляются совершенно невинными, однако их обязательное и всеобщее употребление является знаменательным фактом. В этих словах правда о древнем Адаме звучит яснее, чем в тысячах томов теологических исследований. Они суть запечатленные в слове симптомы нашего тайного недуга. Мир вещей пустил такие глубокие корни в наши сердца, что и малого корешка мы не можем вырвать и не умереть. Вещи стали страшно важными для нас, хотя изначально им такого места в нашей жизни не отводилось. Дары Божьи заняли место Бога, и нормальный порядок вещей обратился в хаос вследствие этой чудовищной подмены.

Наш Господь говорил об этой тирании вещей, когда обращался к ученикам Своим: «Если кто хочет идти за Мною, отвергись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф.16:24-25).

Если проанализировать эту истину, то окажется, что внутри каждого из нас живет враг, которому мы попустительствуем. Иисус называл его «душа» и «свое» или, как бы мы теперь сказали, «своя жизнь». Важнейшим свойством этого врага является инстинкт собственника; на такую мысль наводят слова *приобрести* и *добыть*. Позволить существовать этому неприятелю — значит утратить в конечном счете все. Отречься от него и отказаться от всего ради Христа — значит ничего не потерять, а сохранить все в вечной жизни. Очевидно, что Господь предлагает использовать единственно верный способ покончить с этим врагом — крест. «Возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф.16:24).

Глубокое боговедение люди обретают, находясь в пустынных долинах духовной нищеты и отрекаясь от всех вещей. Блаженные, которым принадлежит Царство Небесное, это те, кто отказались от всего внешнего, до последнего корешка удалив из своего сердца инстинкт приобретательства. Таковые суть «нищие духом». Они достигли духовного состояния, родственного состоянию простого нищего на улицах Иерусалима. Таково на самом деле значение слова *нищий*, которым пользуется Христос. Эти благословенные нищие не являются рабами деспотического «вещизма». Им удалось сбросить рабское ярмо, и достигли они этого, не вступая в борьбу, а уступая. Не давая воли инстинкту собственника, они становятся собственниками всего. «Ибо их есть Царство Небесное».

Позвольте мне призвать вас принять эти слова всерьез. Их нельзя считать очередным поучением, которое надо по прочтении благополучно сдать на хранение вместе с кучей других бездейственных наставлений. В отличие от последних они указатель, ведущий к зеленеющим злачным пажитям, тропинка среди круч горы Божьей. Мы не можем обогнуть ее, если стремимся следовать в направлении этих святых поисков. Рано или поздно, но нам придется стать на нее. Если мы откажемся хотя бы от одной пяди на этом пути, прогресс наш обратится в регресс.

Настоящий новозаветный закон духовной жизни имеет прекрасную символическую параллель в Ветхом Завете. История Авраама и Исаака представляет собой и впечатляющую картину жизни человека, отказавшегося от всего, и великолепный комментарий к первой заповеди блаженства.

Когда родился Исаак, Авраам был уже стар, так стар, что ему скорее подходило бы быть дедом, и дитя это сразу же стало светом очей его и кумиром его сердца. С того самого момента, когда он впервые взял в свои неуклюжие руки крошечное тельце, он превратился в исполненного страсти раба отцовской любви. И Бог вышел на пути Свои, дабы указать Аврааму на силу этой привязанности. Его родительскую любовь нетрудно понять. Дитя, казалось ему, олицетворяло собой все священное: обетования Божьи, заветы, упования долгих лет и давнюю мессианскую мечту. От самого младенчества и до поры юношеского возмужания сын рос на глазах отца, и сердце старого человека все больше и больше прикипало ко всему, что было связано с этой жизнью. Пока наконец это не стало граничить с безрассудством. Именно тогда и вмешался Бог, чтобы спасти обоих, отца и сына, от последствий такой неразумной любви.

«Возьми сына твоего, — сказал Бог Аврааму, — единственного твоего, которого, ты

любишь, Исаака; и пойдешь в землю Мория, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Быт.22:2). Библейский автор щадит нас, избегая подробного описания страданий, которые той ночью на склонах горы возле Безривы причинил старому человеку его Бог, однако услужливое воображение поможет нарисовать согбенную горем фигуру человека, в благоговении и ужасе застывшего в одиночестве звездной ночи. Никогда уже не посетит человеческую душу такая смертная мука, пока Некто более великий, нежели Авраам, не вступит в борец в Гефсиманском саду. О, если бы только человек мог умереть, когда захочет. Авраам стар, а смерть не кажется особенно суровым испытанием тому, кто ходил с Богом столько времени. К тому же последним дорогим удовольствием было бы для него остановить свой тускнеющий взор на фигуре сына, своего наследника, который останется жить, чтобы продолжить его и исполнить обетования Божьи, данные давным-давно, еще в Уре Халдейском.

Но как сделать жертвою своего отрока! Если даже удастся найти согласие со своим разбитым и протестующим сердцем, как примирить этот поступок с обетованием: «Ибо в Исааке наречется тебе семя»? Это было подобно испытанию огнем, и в этом суровом испытании Авраам не обманул наших ожиданий. Звезды, испуская колючие лучи, еще мерцают над палаткой, где спит Исаак, и до бледной зари на востоке еще далеко, а святой старец уже приходит к определенному решению. Он принесет в жертву сына, как и повелевает ему Бог, *и потом с верой будет ждать, когда Бог воскресит его из мертвых*. Вот какое решение, говорит автор Послания к Евреям, находит во мраке ночи сердце, страстно жаждущее Бога, находит, чтобы рано утром привести его в исполнение. Как радостно видеть, что сомнение Авраама в действиях Бога не мешает ему верно почувствовать тайну Его великого сердца. И это решение Авраама находится в полном соответствии с новозаветным Писанием: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф.16:25).

Бог позволяет страдающему старцу занести над сыном руку с ножом, дойти в этом испытании до самой крайней точки, откуда, Он знает, уже нет пути назад, чтобы затем запретить ему опустить руку на отрока. Изумленному праотцу верующих Он говорит в сущности следующее: «Хорошо, Авраам. Я никогда не хотел, чтобы ты убил отрока. Я хотел только вывести его из замка сердца твоего, дабы Мне править там непоколебимо. Я хотел лишь удалить искажение, помутившее твою любовь. Ныне вот тебе твой сын, цел и невредим, забирай его и возвращайся в свою палатку. Теперь Я вижу, что ты боишься Бога, ибо знаю, что ты не пожалел сына твоего, единственного твоего, ради Меня».

Затем небеса отверзаются и слышится глас, обращенный к нему: «Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт.22:16-18)

Старец Божий возводит очи свои, дабы ответить Гласу сему, и стоит там, на горе, сильный, непорочный и великий человек, отмеченный Господом и избранный Им для особого назначения, нареченный друг и возлюбленный Всевышнего. Отныне это человек безоговорочно преданный, беспрекословно смиренный, человек, не владеющий ничем. Все свое он сосредоточил в личности дорогого сына, и Бог отнял у него это. Можно было начать издали, постепенно продвигаясь внутрь, к средоточию жизни Авраама. Но Бог предпочитает прямую и скорую дорогу в его сердце, чтобы в одной, но решительной схватке одержать в нем победу. Эта тактика Бога, тактика экономии средств и времени, мучительна, но действенна.

Я сказал, что у Авраама не осталось ничего. Но разве этого бедняка нельзя назвать богачом? Все, чем он владел до сих пор, по-прежнему оставалось в его распоряжении: овцы, верблюды, крупный рогатый скот и всякое иное добро. У него оставалась жена, друзья и, что самое главное, сын его Исаак в целости и сохранности пребывал рядом с ним. У него было

все, *но он не имел ничего* . В этом заключена известная духовная тайна. Есть некое сладостное богословие сердца, которому можно научиться только в школе самоотречения. В книгах по систематическому богословию вы не найдете его, но мудрому это откроется без книг.

После столь горького, но благодатного переживания, я думаю, слова *мой, моя, мое* навсегда утратили для Авраама прежний смысл. Чувство собственника, заключенное в них, покинуло его сердце. «Вещи» навеки изгнаны из него. Они сделались для этого человека чем-то сугубо внешним. Внутренний человек его освободился от их гнета. Мир утверждает «Авраам богат», но престарелый патриарх только улыбается. Он не способен объяснить этого, но он просто знает, что не владеет ничем, хотя истинное сокровище его пребывает внутри него и в вечности.

Не может быть никаких сомнений, что жажда собственности, владения является одной из самых вредоносных черт, характеризующих жизнь в этом мире. Она кажется столь естественной, что немногие люди отдадут себе отчет в том, какое зло она несет в себе. Между тем плоды материализации такой установки весьма прискорбны.

Часто страх собственника мешает нам отказаться от своих сокровищ ради Господа, особенно когда такими сокровищами являются наши близкие или друзья. Однако бояться этого не следует. Не губить пришел Господь, а спасать. Наше имение пребывает в безопасности, если мы предаем все Ему; в то же время ничего своего не сберечь, если не доверить всего Богу.

Также и наши дары и таланты следует отдавать Ему. В них надо видеть, что они собой представляют, — ссуду, данную Богом, и ни в коем случае не почитать их за свое, человеческое. У нас не больше прав хвалиться дарованиями, чем цветом глаз или крепостью мышц. «Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил?» (1Кор.4:7).

Христианин, хотя бы немного познавший себя, найдет в себе все признаки описанного духовного недуга — стремление владеть, владеть и владеть — и, обнаружив таковые в своем сердце, глубоко огорчится. И если его желание познать Бога достаточно сильно, ему непременно захочется что-нибудь предпринять. Но что же надо предпринять?

Прежде всего ему следует отказаться от стратегии обороны и прекратить попытки оправдать себя или найти оправдание у Господа. Если кто в стремлении защитить себя защищается сам, то уже никто не встанет на его защиту. Если же явится он пред Господом беззащитным, то Сам Господь защитит его. Так пусть растопчет пытливый христианин бессовестные уловки своего лукавого сердца и не устанет просить честных и открытых отношений с Господом.

И еще ему надо помнить, что дело это святое. Случайных поступков с его стороны совершенно недостаточно. Пусть он предстанет пред Господом уверенный, что будет услышан. Пусть он будет настойчив, и Бог примет его всего, чтобы удалить из его сердца все тленное и править там в силе. Быть может, при этом человеку придется быть конкретным, назвать каждую вещь и каждого из людей в отдельности. Если он проявит решимость, годы мучений сведутся к минутам, и он станет на путь исцеления раньше тех своих медлительных братьев, которые, нежа свои чувства, твердят о благоразумии и предусмотрительности в общении с Богом.

Давайте не забывать, что истины, подобные этой, нельзя зазубрить, их нельзя изучить, словно факты из области естественных наук. Подобные истины надо *пережить* , ибо только так их можно познать. Нам, нашему сердцу, придется пройти суровое испытание горькими муками Авраама, если мы хотим обрести благословение, идущее следом. Древнее проклятие не прекратит своего действия незаметно, безболезненно для нас; закоренелый, старый скряга внутри нас ни за что не уступит и не смирится по нашему первому требованию. Надо с великим усердием выкорчевывать его из своего сердца, подобно тому как выкорчевывают с корнем никчемные деревья; через страдание и кровь должно совершиться наше освобождение, подобно тому как через страдание и кровь избавляемся мы от больного зуба. Он может быть удален из души только усилием, подобно тому как Христос выгнал из храма

ростовщиков и менял. И следует позабыть о жалости к нему, вымаливающему подаяние, и в жалости к самому себе видеть семена этого зла, ведь жалость — один из наиболее злостных грехов человеческого сердца.

Если мы хотим действительно глубоких личных отношений с Богом, нам надо следовать путем самоотречения. Ведь если мы решимся неотступно следовать за Богом, Он рано или поздно подвергнет и нас подобному испытанию. Авраам, когда пришло его время, не знал (как знаем это теперь мы), что Бог испытывает его, и, если бы он поступил как-то иначе, по-другому, вся ветхозаветная история могла бы принять совсем иной оборот. Конечно, Бог нашел бы другого человека, но для самого Авраама его поступок мог бы обернуться чудовищной, непредсказуемой утратой. Итак, Господь приведет нас на место испытаний одного за другим, а мы можем и не знать, что уже находимся там. На этом месте у нас будет не множество вариантов, а только один — и его альтернатива, однако все наше будущее будет полностью зависеть от того выбора, который мы сделаем.

Авва, Отче, я хочу познать Тебя, но мое трусливое сердце страшится и не в силах отказаться от своих мелких забав. Я не могу расстаться с ними, не пролив крови сердца своего, и я не стараюсь сокрыть от Тебя своего ужаса перед этим разделением. Я трепещу, но я решился. Пожалуйста, Господи, искорени из сердца моего все, что я взрастил в нем за время моей жизни и что стало частью моей живой души; посему войди в него, обитель Свою, как полномостный Господин. Да будет благословенно место, где ступала нога Твоя. Пусть в сердце моем воссияешь Ты, Господи, ибо нет иного света, кроме Тебя, и нет ночи там, где Ты. Во имя Иисуса Христа. Аминь.

3. Удалить завесу

Итак, братия, имеем дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа...

Евр.10:19

Среди известных высказываний отцов Церкви нет более знаменитого, чем ставшее крылатым выражение Августина: «Ты сотворил нас для Себя, и сердца наши не успокоятся, покуда не упокоятся в Тебе».

Великий святой в нескольких словах раскрывает происхождение и духовную историю человеческого рода. Бог сотворил нас для Себя — вот единственное толкование, приемлемое для сердца мыслящего человека, что бы ни говорил его безумный рассудок. Если уродливое образование и извращенная философия заставляют человека мыслить иначе, то христианин ничего с этим поделать не может. Мне нечего сказать такому человеку. Я обращаюсь к тем, кто прежде втайне был наставлен мудростью Божьей. Я говорю жаждущим, чьи сердца были разбужены Божьим прикосновением и кому иных свидетельств уже не нужно.

Бог сотворил нас для Себя. В «Кратком катехизисе», так же как в прежнем New England Primer, ставятся вопросы «что?» и «почему?» и даются краткие, в одно предложение ответы, которые делают этот катехизис выдающимся явлением среди небогодуховенных книг. «*Вопрос* : В чем смысл человеческой жизни? *Ответ* : Смысл человеческой жизни состоит в прославлении Бога и вечной радости пребывания в Нем». С этим согласны двадцать четыре святых старца, которые падают ниц и поклоняются Живущему во веки веков, говоря: «Достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (Отк.4:11).

Бог создал нас для Своего удовольствия, и так сотворил нас, что, подобно Ему, мы способны, духовно общаясь, находить наслаждение в сладостном и загадочном взаимном растворении родственных душ. Бог предопределил нам видеть Его, и жить с Ним, и черпать жизненные силы в улыбке Его. Но мы виновны в «нечестивом бунте», о котором говорит Мильтон, когда описывает мятеж сатаны и бывших с ним духов. Мы порвали с Богом. Мы отказались покориться Ему и любить Его и в грехе и страхе бежали от лица Божьего, да так

далеко, что далее уже некуда.

Но как можно бежать от Него, когда небеса и небеса небес не способны вместить Его? Когда, как свидетельствует мудрость Соломона, «Дух Господень наполняет вселенную»? Бог вездесущ, и вездесущность Его есть свидетельство совершенства Его. Вместе с тем очевидное Присутствие Его есть другой факт, и как раз от этого Его Присутствия мы бежали, подобно Адаму, который пытался укрыться под сенью деревьев Эдемского сада, или подобно Петру, который отпрянул от Бога, воскликнув: «Выйди от меня. Господи! потому что я человек грешный» (Лк.5:8).

Так что жизнь человека на земле — это жизнь вне Присутствия Божьего, жизнь, приносящая страдание; это исход из того «благоденственного средоточия», которое есть наша настоящая родина и место нашего первоначального обитания, где удержаться нам не удалось. В этом — причина и основание нашего непрерывного беспокойства.

Весь труд искупления Бог совершает, чтобы уничтожить последствия этого «нечестивого бунта» и восстановить наши праведные отношения с Ним в вечности. Для того чтобы, согласно Его плану, полностью примириться с Ним и обрести возможность как прежде вступать с Ним в сознательное общение и жить пред лицом Его, нам следует порвать с нашими грехами. Тогда действием Своим, совершающимся в наших сердцах, Он подвигнет нас обратиться к Себе. Именно это мы замечаем в первую очередь, когда наши усталые сердца испытывают жажду Присутствия Божьего и мы говорим себе: «Встану, пойду к Отцу моему». Вот он, первый шаг, и с этого шага, как сказал китайский мудрец Лао-Цзы, «начинается дорога в тысячу лье».

Прекрасной иллюстрацией сокровенного путешествия души из дебрей греха в сладостную близость Божью является ветхозаветная скиния. Воротившийся грешник вначале входит во внешний двор, где на медном жертвеннике он приносит Богу кровавую жертву и в стоящей поблизости умывальнице совершает ритуальное омовение. Затем он проходит, миновав завесу, в святилище, куда не проникает ни один луч естественного света и лишь золотой светильник, напоминающий об Иисусе, Свете миру, рассеивает вокруг мягкий свет. Там же располагаются хлебы предложения, говорящие об Иисусе, Хлебе Жизни, а также кадила — символ непрерывающейся молитвы.

Несмотря на то что поклоняющийся Богу уже испытывал великую радость, он не вступал еще пред лице Божье, отделенный завесой от места, называемого святыня святынь, где над крышкой ковчега завета находилось обиталище Самого Бога в величии и славе. Покуда стояла скиния, только первосвященник имел право вступать в святыня святынь, да и то всего лишь один раз в году, с кровью, пролитой за свои грехи и грехи народа. Именно эта вторая завеса «разодралась надвое», когда Господь наш испустил дух на Голгофе, и евангелист поясняет, что разрыв этой завесы открыл всякому, кто поклоняется Богу в этом мире, новый и живой путь в Присутствие Божье.

Новый Завет во всем согласуется с этой ветхозаветной иллюстрацией. Искупленным людям не следует больше бояться вступать в святыня святынь. *Бог хочет, чтобы мы поспешили пред лице Его и обитали в Присутствии Его всю нашу жизнь*. Вот что нам следует познать на своем личном опыте. Это больше, чем учение, которого следует придерживаться; это жизнь, всякий миг и каждый день которой дарят наслаждение от близости Бога.

Пламя Присутствия Божьего было живой и пульсирующей душой ветхозаветного закона. Вне его все сложное устройство скинии превращалось в мертвые знаки какого-то неведомого языка, не имевшего никакого смысла ни для Израиля, ни для нас. Величайшее значение скинии состояло в том, что *Иегова был там*; Присутствие Божье ожидало за завесой.

Все остается так же и сейчас. Присутствие Божье составляет суть христианства. Центральной христианской идеей является Сам Бог, ожидающий явления Своих искупленных чад в Присутствии Своем. Но есть и другой подход, ныне ставший модным, когда о Божьем Присутствии знают только теоретически. Беда в том, что здесь не говорится, насколько важны для человека поиски близости с Богом. Согласно доктринам такого

христианства мы пребываем в непосредственной близости к Богу позиционно, в силу факта своего существования, и ничего не говорится о необходимости испытать, пережить это Присутствие Божье воистину. Недостает пламенной страсти, побуждающей людей действовать подобно Мак-Чейну. И нынешнее поколение христиан руководствуется этим несовершенным принципом Постыдное довольство собой занимает место пламенной ревности. Нас больше не беспокоит законность владения собственностью, а больше волнует отсутствие ее.

Кто же Он, Тот, за завесой, Кто обитает в пламенном сиянии? Не кто иной, как Сам Бог.

«Один Бог, Отец Всемогущий, создавший небо и землю, и все видимое и невидимое». Сей «Один Господь Иисус Христос, Единородный Сын Божий; Единородный Сын Отца Своего, бывший прежде основания всех миров, Бог от Бога, Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного; Единородный, несотворенный. Единосушный Отцу Своему».

Это и «Дух Святой, Господь и Податель жизни, исходящий от Отца и Сына, прославляемый и почитаемый вместе с Отцом и Сыном». Однако сия святая Троица суть единый Бог, ибо «мы поклоняемся Единому Богу в Святой Троице и Святой Троице в Одном; мы поклоняемся каждой Личности как совершенному Богу, не разделяя Единой Сущности. Ибо одна Личность есть Сын, иная — Отец, иная — Дух Святой. Однако Божество Отца, Сына и Духа Святого одно: равная слава и вечное величие».

Так гласит символ веры, и так утверждает богодухновенное Слово.

За завесой пребывает Бог. Бог, Которого в миру до сих пор ищут с несообразной мыслью — «не найдут ли» (Деян.17:27). Бог приоткрылся в мире природы, но явил Себя совершенно в Богочеловеке. Ныне в восхитительной полноте Он хочет явиться нищим духом и чистым сердцем.

Мир сей гибнет без боговедения, и церковь умирает от жажды Его Присутствия. Чтобы исцелиться от многих наших религиозных болезней, нам надлежит вступить в Присутствие Божье духовным опытом, проникнуться сознанием того, что мы — в Боге, а Бог — в нас. Этот опыт вывел бы нас из жалкой ограниченности и раздвинул бы возможности наших сердец. Этот опыт предал бы огню всю нечистоту нашей жизни, испепелил бы ее, как огонь при купине испепелял насекомых и плесень.

Что за простор, для того чтобы странствовать! Что за гладь, для того чтобы плыть! И все это в Боге и Отце Господа нашего Иисуса Христа! Он есть Бог *вечно Живущий*. Он предвечен и абсолютно независим от времени. Само время проистекает из Него и уходит в Него. Од неподвластен времени, и перемены не тяготят Его.

Он неизменен. Он никогда не изменялся и никогда не изменится даже в малой мере. Измениться для Него означало бы стать лучше или хуже прежнего. Но Он не может стать ни лучше, ни хуже прежнего, ибо, будучи совершенным. Он не станет более совершенным, и если бы Он был менее совершенным, Он был бы меньше Бога.

Он всеведущ. Легко и свободно Он познает мир материи и духа, все факты и связи. И нет у Него ни прошлого, ни будущего. Он Сущий, и ни одно из ограничивающих и определяющих понятий, применимых к твари, невозможно приложить к Богу.

Любовь, милость и праведность — Его качества. Его святость столь невыразима, что нет в нашей речи ни образа, ни сравнения, которое могло бы изобразить ее. Лишь огонь отдаленно указывает на нее. В огне неопалимой купины является Он Моисею; в огненном столпе Он шествует пред народом Своим в его долгих скитаниях по пустыне. Сей огонь, между двух крыльев херувимов горящий в святом месте, назван был Столпом огненным, Присутствием Божьим в годы славы Израилевой, а когда Ветхое уступило место Новому, Бог явился в день Пятидесятницы в разделяющихся языках, как бы огненных, почивших по одному на учениках.

Спиноза писал о разумности любви Божьей, и он в известной мере прав. Однако высочайшая любовь Божья есть любовь не ума, а духа. Бог есть Дух, и лишь дух человеческий способен познать Его воистину. В глубинах духа человеческого должен

пылать огонь, иначе любовь его не истинная любовь к Богу. Великими в Царстве Небесном нарекали возлюбивших Бога более, нежели возлюбили Его иные. Всем нам известны таковые, и мы с радостью отдаем должное глубине и искренности их благочестия. Стоит только задуматься на минутку, как имена их чередой пройдут перед нашим умственным взором, как фимиам смирны, и алоэ, и кассии из чертогов слоновой кости.

Фредерик Фэйбер был одним из тех, чья душа воздыхала о Боге, как серна в поле о водном потоке, и полная мера, которой Господь открывался сердцу его, ищущему Бога, возжигала в жизни этого доброго человека огонь благоговейной любви, соперничающей с любовью Серафимов перед престолом. Любовь его к Богу простиралась на все три Личности Святой Троицы, и все же, надо полагать, к каждой из Них он испытывал любовь особого рода, любовь, припасенную только для этой Личности. О Боге-Отце он поет так:

Лишь сидеть и думать о Боге,
О, что за радость!
Нет высшего блаженства на земле,
Чем мечтать о Нем,
Тихо произнося Его имя.

Отец Иисуса, любви воздаянье!
Что за восторг
Пасть ниц пред престолом Твоим
И взирать и взирать на Тебя!

Любовь к Личности Иисуса снедала его. Она пылала в нем, как сладостное и святое безумие, истекая из уст его наподобие кипящего золота. В одной из своих проповедей он сказал: «Куда ни обратись в Церкви Христовой, всюду Христос. Для нас Он есть начало, средоточие и конец всего... Все в Нем благо, все праведно, все превосходно, все радостно и все это для любящих Его. Никто не будет бедным, ибо, если ты свершишь свой выбор, Иисус станет твоим владением. Никому не стоит падать духом, ибо Иисус есть радость небесная. Его радость приходит в разбитые горем сердца. Мы без труда преувеличиваем многое, но единственного мы не способны преувеличить — долга своего пред Иисусом или, иначе говоря, Его сострадательной и всеобъемлющей любви к нам. Проговори всю жизнь об Иисусе, и тогда не выскажешь о Нем всего, что улаждает нас Не хватит и самой вечности, чтобы познать, каков Он, или прославить Его за все, что Он сделал. Но это и неважно, ибо мы пребудем с Ним в вечности, а другого нам не нужно».

И, обращаясь к Господу нашему, он говорит:
Я люблю тебя так, что не в силах
Сдержать своего восхищения;
Твоя любовь, подобно пылающему костру,
Охватила всю мою душу.

Пламенную любовь испытывал Фэйбер и к Духу Святому. Он не только в своем богословии утверждал Божественность Его и полное равенство с Отцом и Сыном, но прославлял это и в своих песнопениях и проповедях. Он буквально припечатывал свой лоб к земле в энергичном, полном огня поклонении третьей Личности Божества. В один из своих замечательных гимнов, посвященных Святому Духу, он вводит слова, свидетельствующие о его пылкой преданности Ему:

О Дух, прекрасный и устрашающий!
Мое сердце готово разбиться

От Твоей бесконечной нежности
К нам, бедным грешникам.

Я рискнул утомить читателя обширной цитатой, дабы показать, сколь удивителен Бог, сколь восхитителен Он, способен Сам удовлетворить и исполнить все и всяческие запросы нашей природы, таинственной и глубокой, каковой она и является. Богослужение Фэйбера (а он лишь один из того великого сообщества, которому нет числа) никогда не порождалось одними интеллектуальными познаниями о Боге. Сердца, готовые «сокрушаться» от любви к Божеству, они из числа побывавших в Божьем Присутствии и пристально взиравших на величие Божества. Мужички, сокрушенные сердцем, — люди таких достоинств, которых не знали и не понимали люди обычные. Их речь была речью наделенных духовной властью людей. Они бывали в Божьем Присутствии и передавали то, что видели там.

Таковыми были пророки; не книжники, ибо те говорят нам о том, что они вычитали, а пророки, которые говорят о том, что увидели. Разница здесь вовсе не мнимая, а реальная. Между книжниками, которые вычитали, и пророками, которые были там и видели, пролегает океан. Ныне говорящих правильные слова великое множество, но пророки отсутствуют. Где же они? Непререкаемые голоса книжников возносятся над евангельскими церквями, но народ Божий ожидает услышать мягкий, любящий голос святого, который сам проник через завесу и взирал внутренним оком на чудо, которым является Бог. Между тем возможность проникнуть сквозь завесу с помощью чувственного, живого опыта, предстать пред лице Божье есть исключительное право всякого чада Божьего.

Завесы не стало в момент распятия Тела Христова; разрывавшие Его плоть гвозди прорвали ее, и ничто больше не препятствует нам войти в Его Присутствие. Так почему же мы медлим? Почему мы довольствуемся жизнью вне святая святых во все наши дни и ни разу не войдем туда, дабы взглянуть на Бога? Мы слышим слова Жениха, говорящего: «Покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой; потому что голос твой сладок и лице твое приятно» (Песн.2:14). Мы чувствуем, что этот призыв обращен к нам, и все же не подходим ближе, а годы бегут, и мы стареем и устаем, пребывая во внешнем дворе скинии. Что же мешает нам войти?

Обычный ответ, что, дескать, мы просто «охладели», неспособен объяснить всего. Есть нечто большее, нежели просто душевное охлаждение, что-то сокрытое за этим охлаждением и являющееся по сути дела главной причиной. Что же это? Что еще, как не завеса в сердцах наших? — завеса, не удаленная, как была удалена первая, но оставшаяся на месте, и препятствующая Свету, и скрывающая от нас лице Божье. Это завеса нашей плотской, падшей природы, которая продолжает существовать в нас без осуждения, распятия и отвержения с нашей стороны. Это завеса из плотной ткани самости, которую мы по-настоящему не осознали, которой мы втайне стыдимся, но которую не возвели на крестный суд. Эта светонепроницаемая завеса не есть нечто таинственное, и не так уж трудно опознать ее. Стоит только взглянуть в собственные сердца, и мы заметим ее там, зашитую, местами залатанную и подновленную и тем не менее являющуюся врагом наших душ и действенным препятствием для нашего духовного развития.

Завеса эта вовсе не прекрасна и не является темой наших повседневных разговоров. Но я обращаюсь к жаждущим сердцам, которые решили следовать за Богом, и я знаю, что таковые не отступят, поскольку предстоящий им путь по мрачным ущельям не вечен. Сердечная жажда Бога станет укреплять их в поисках. Они встретятся с неприятным, но понесут свой крест ради веселия, которое ждет их впереди. Вот почему я осмеливаюсь назвать материал, из которого соткана эта внутренняя завеса.

Эта завеса соткана из тонких нитей самости, грехов духа человеческого. Эти преступления не относятся к разряду наших дел, они — наша суть, не то, что мы делаем, но то, что мы собой представляем. Вот в чем сокрыты одновременно и коварство, и сила этих преступлений.

Если говорить более конкретно, то грехи нашего «я» суть наша самоправедность,

жалость к самим себе, самодостаточность, самолюбование, себялюбие и громадное число подобных им качеств самости. Они укоренились внутри нас так глубоко, что стали во многом частью нашей природы, мы перестаем их замечать, пока Господь не направит на них Свой свет. Более грубые, откровенные и недопустимые формы греха — эгоизм, честолюбие — непонятно почему допускают и терпят в среде христианских деятелей, и даже в кругах, известных безупречным правоведем. Эти проявления настолько часты, что многие люди стали отождествлять их с Евангелием. Полагаю, мое замечание не прозвучит цинично, но в наше время эти грехи, похоже, становятся необходимыми, чтобы завоевать популярность в некоторых кругах церкви видимой. Самовыдвижение под личиной проповеди Христа в наши дни столь распространено, что уже не вызывает недоумения.

Некоторые думают, что серьезный разговор о грехопадении человека и о необходимости оправдания праведностью Христовой может освободить нас от власти грехов нашего «я», однако это не так. «Я» без страха и упрека может существовать у самого жертвенника. Оно может наблюдать, как умирает истекающая кровью Жертва, но подобное зрелище никак не взволнует его. Оно способно бороться за веру реформаторов и страстно, красноречиво проповедовать спасение по благодати, набираясь сил в этой борьбе. Говоря по правде, такое «я» питается уверенностью в собственной непогрешимости и чаще встречается на библейских конференциях, чем в пивной. И даже само стремление к живому Богу используется им, чтобы создать тепличные условия для собственного процветания и роста.

«Я» — это светонепроницаемая завеса, которая скрывает лицо Божье от нас. Удалить ее можно только практическим путем, в духовной борьбе, и никогда — с помощью наставления. С тем же успехом мы можем приказать прокаже удалиться из нашего организма. Чтобы уничтожить эту завесу, требуется труд Божий, и тогда только мы сможем оказаться на свободе. Необходимо взять свой крест, чтобы он произвел свое действие внутри нас. Надобно вознести все преступления своего «я» на крест и осудить их. Надо подготовиться к суровому испытанию, к суду Божьему, в некотором отношении похожему на тот, что претерпел наш Спаситель, когда принял страдание от Понтия Пилата.

Говоря о завесе, помните, что мы говорим метафорически, и эта идея есть идея поэтическая и почти приятная, но на самом деле ничего приятного в ней нет. Завеса эта образуется из живого духовного материала, составляется из чувствительной, трепетной ткани, которая выкладывает изнутри все наше существо, так что затронуть ее — значит затронуть место, которое испытывает боль. Разорвать завесу — значит пораниться, нанести себе ущерб и пролить кровь. И если бы это было как-то иначе, то из креста выхолащивался бы крест, из смерти — смерть. Смерть никогда не была развлечением. Прорыв сквозь дорогую и нежную ткань, из которой соткана жизнь, не может не доставить глубокой боли. Однако это именно то, что крест совершил со Христом, а также то, что этот крест должен совершить с каждым человеком, чтобы освободить его.

Давайте страшиться самонадеянности, уверенности, что мы сможем разорвать завесу сами. Бог совершит все это за нас. Наша часть труда — повиниться и верить. Надо покаяться, оставить грехи, отвергнуться самости, а затем посчитать этого врага распятым. Однако не следует смешивать «принятие» с действительным трудом Божьим. Надо стараться, чтобы этот труд совершался в нас. Нельзя останавливаться только на учении о самораспятии.

Старайтесь, чтобы этот труд совершался воистину и был доведен до конца. Крест суров и ужасен, он приносит смерть, но это единственный действенный крест. Этот крест не удерживает своей жертвы навечно. Наступает момент, когда его работа завершается и страдающая жертва умирает. После этого наступает Воскресение, славное и могущественное, и боль забывается от радости, что завеса удалена, и мы вступаем в реальное переживание непосредственной близости живого Бога.

Господи, как превосходны пути Твои и как извилисты и темны пути человека. Покажи нам, как умереть, дабы нам воспрянуть к обновленной жизни. Разорви завесу самости нашей сверху донизу, как сделал Ты. это с завесой в храме. Мы приблизимся к Тебе в полной

уверенности веры. Мы станем обитать с Тобой в каждом дне жизни здесь на земле, дабы привыкнуть к славе Твоей, когда войдем в Царство Твое, чтобы пребывать там с Тобой. Во имя. Иисуса Христа. Аминь.

4. Постигая Бога

Вкусите, и увидите.

Пс.33:9

Много лет тому назад Кенан Холмс из Индии обратил внимание на рассудочное происхождение веры в Бога у обыкновенного человека. Для большинства людей Бог не действительность, а результат умозаключения, дедуктивный вывод, при этом Сам Бог остается незнакомым человеку. «Он *должен* быть, — говорят они, — следовательно, мы верим в то, что Он есть». Другие не доходят даже до этого, они знают о Боге только понаслышке. Они никогда не давали себе труда самим подумать обо всем, но, услышав о Нем от других, относят понятие о Божественном на задворки сознания, туда, где складывается всякая всячина, из которой и составляется их жизненное кредо. Для многих Бог не больше чем идея, просто иное название благодати, красоты и истины; это закон, или жизнь, или творческая сила, действующая за кулисами бытия.

Подобных понятий о Боге великое множество, однако все придерживающиеся их характеризуются одной общей чертой: они не познали Бога на личном опыте. О возможности тесного общения с Ним они даже не подозревают. Допуская существование Бога, они не считаются с Ним как с Существом, Которое можно познать в том же смысле, в котором мы познаем вещи или людей.

Христиане, конечно, идут дальше, по крайней мере в теории Их символ веры требует от них веры в Личность Бога, и, кроме того, они научены молиться: «Отче наш, сущий на небесах» (Лк.11:12). Так что понятие о Личности Бога-Отца сопряжено с осознанием возможности личного знакомства. Так, думаю, принято в теории, однако для миллионов христиан Бог реален не больше, чем для всего остального нехристианского мира. Они пытаются любить идеал и быть послушными какому-то Принципу.

Над этим облаком неопределенности возвышается чистое библейское учение о Боге, Которого можно познать на собственном, личном опыте. Господствующая в Библии любящая Личность ходит среди деревьев Эдемского сада и дышит благоуханием в каждом библейском эпизоде. Вечно живая Личность говорит, выслушивает, любит, трудится и является Своему народу там и тогда, где и когда народ Божий бывает восприимчив к Ее проявлениям.

Библия принимает как факт, не требующий доказательств, что человек способен познавать Бога с той же степенью непосредственности, с какой он может познавать других людей и вещи в сфере личного, индивидуального опыта. В одних и тех же терминах в ней говорится о познании Бога и о познании материальных явлений: «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс.33:9); «Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя» (Пс.44:9); «Овцы Мои слушаются голоса Моего...» (Ин.10:27); «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф.5:8). Это лишь четыре отрывка, но подобных не счесть в Слове Божьем. Однако важнее любого доказательства — свидетельство Священного Писания, которое не противоречит данному тезису.

Что же еще это может значить, как не то, что в сердце у нас есть особый орган, с помощью которого мы способны познавать Бога с той же определенностью, с какой познаем материальное с помощью знакомых нам пяти чувств. Мы узнаем материальный мир, упражняя способности, дарованные нам как раз для этого, но мы обладаем и духовной способностью, с помощью которой мы можем познавать Бога и духовный мир, если только покоримся побуждениям Духа и начнем упражнять эту способность.

То, что в сердце прежде должна свершиться спасительная работа, принимается без

доказательств, как само собой разумеющееся. Духовные способности невозрожденной души, погребенные в склепе падшей человеческой природы, остаются не востребованными и не проявляют никаких признаков жизни. Таков смертельный удар, нанесенный нам грехом. Но их может оживить Святой Дух, действующий в нас ради нашего возрождения. Таков один из бесчисленных даров, которые приходят к нам через искупительный труд Христа на кресте.

Но почему тогда искупленные чада Божьи знают ничтожно мало об этом, казалось бы, столь привычном для них сознательном общении с Богом, о котором говорит Писание? Причина в нашем застарелом и глубоком неверии. Вера дает нашему духу силу действовать. Там же, где вера слаба, недостаточна, несовершенна, результатом будет духовная бесчувственность и моральное оупение. Таково сегодня состояние громадного числа христиан. За доказательствами далеко ходить не приходится. Стоит только поговорить с первым встречным христианином или войти в первую попавшуюся на пути церковь, как все доказательства этого положения будут налицо. Царство духа лежит окрест, окружая и включая нас в себя, оно находится вблизи нашего внутреннего «я» и ждет того момента, когда мы признаем, узнаем, осознаем его. Сам Бог пребывает здесь в ожидании нашей реакции на Его непосредственную близость. Этот вечный мир оживет в нас в тот самый момент, когда мы начнем считаться с его реальностью.

Я только что использовал два слова, которые нуждаются в определении. Если же определения в данном случае в принципе невозможны, то мне следует хотя бы пояснить тот смысл, который я вкладываю в слова *считаться* и *реальность*.

Что я имею в виду, когда говорю *реальность*? Под этим словом я понимаю такую подлинную действительность, которая существует помимо какого бы то ни было представления и какого бы то ни было разума, способного помышлять о ней, и которая будет существовать и тогда, когда нигде не останется никакого разума, способного помыслить о ней. Эта подлинная реальность существует как вещь в себе. Действительность этой реальности ни в коей мере не зависит от постороннего наблюдателя.

Я отдаю себе полный отчет в том, что есть люди, которые любят посмеяться над представлениями о чистой реальности. Таковы идеалисты, которые плетут паутину бесконечных доказательств в пользу того, что вне разума ничего реального не существует. Таковы релятивисты, которые любят указать, что во всей вселенной не найти таких координат, которые могли бы служить точками отсчета. Они высмеивают нас с высот высокомерного интеллекта и навешивают на нас унижительный ярлык «абсолютистов». Истинного христианина невозможно смутить подобными знаками презрения. Он в свою очередь может посмеяться над ними, поскольку знает, что есть только один абсолют, и этот Абсолют есть Бог. Но он знает также, что Сей Абсолют сотворил этот мир для человека и, несмотря на то что в мире нет ничего постоянного или реального в том значении, в каком мы применяем это к Богу, *во всех наших жизненных обстоятельствах нам позволено действовать так, будто эти реальности существуют в действительности*. Именно так и действуют в этом мире люди, если не считать умалишенных. У этих несчастных есть свои проблемы с реальностью, но они хотя бы постоянны в этом, они упорствуют, существуя в совершенном согласии со своими представлениями о вещах. Они правдивы, но такая сугубая правдивость умственно больных людей порождает социальную проблему.

Вышеназванных идеалистов и релятивистов нельзя назвать умственно больными. Свое полное здравие они доказывают тем, что живут в полном согласии с теми представлениями о реальности, от которых в теории отрекаются, и опираются на те опоры, которым с пеной у рта отказывают в существовании. Их убеждения имели бы больший вес в обществе, если бы сами они выказали желание жить в соответствии с ними; однако как раз этого-то они и не делают. Их идеи глубокомысленны, но не жизненны. Как только судьба задевает их, они отрекаются от своих идей и начинают жить как все другие.

Истинный христианин слишком честен, чтобы играть в идеи ради идей. Он не находит удовольствия погружаться в их хитросплетения, чтобы только показать себя. Все его верования имеют практический смысл. Все они включены в его жизнь. Ими он живет и с

ними умирает, стоит или низвергается для этого мира и для мира грядущего. От лицемерного человека он отворачивается.

Чистосердечный, прямой человек знает, что этот мир реален. Он находит здесь реальность пробужденным сознанием и отдает себе отчет в том, что не сам выдумал ее. Она была уже здесь и ждала его, чтобы он явился в нее, и он знает, готовясь пройти свою земную стезю, что эта реальность пребудет с ним, чтобы сказать ему последнее «прости», когда он отправится отсюда в мир иной. Обладая глубокой мудростью жизни, такой человек мудрее тысячи сомневающихся людей. Он стоит на земле и ощущает, как ветер и ливень бьют ему в лицо, и он знает, что они реальны. Днем он видит дневное светило, а ночью звезды. Он видит, как яркие молнии блистают в черных тучах. До него доносятся звуки жизни природы и крики человеческой радости и боли. И все это тоже реально, он знает это. Он ложится на сырую землю ночью и не боится, что она исчезнет, превратится в призрачную, когда он уснет. На следующее утро твердая почва окажется под ним, голубое небо — над ним, и камни и деревья вокруг него будут в том же порядке, что и вечером, когда он смыкал глаза. Так он и живет и радуется в этом мире реальности.

При помощи своих пяти чувств он погружается в него. Все необходимое для своего существования в физическом мире он может постигнуть, поскольку обладает для этого соответствующими способностями, дарованными ему Господом, сотворившим его и поместившим в такой мир, как этот.

Итак, согласно нашему определению Бог есть реальность. Он реален в том абсолютном и окончательном смысле, в каком не может быть реальным ничто иное. Вся остальная реальность зависит от Него. Великая Реальность — это Бог, Творец той низшей по статусу и зависимой реальности, которая составляет тварный мир, в том числе и нас Бог существует объективно, независимо и отдельно от любых представлений, идей, которые мы можем иметь о Нем. Человек, поклоняющийся Богу, не творит объекта своего поклонения. Сердце его находит Бога, когда он пробуждается от духовной спячки в утро своего возрождения.

Второе слово, которое следует пояснить, — *считаться*. Это не то же самое, что «изображать» или «воображать». Мысленный образ, фантазия, выдумка не являются предметом веры. Воображение и вера не только отличаются, но и противостоят друг другу в остром конфликте. Воображение воспроизводит нереальные умственные представления, фантастические образы и стремится привязать их к реальности. Вера же в этом смысле ничего не создает, она просто считается с тем, что уже существует в реальности.

Бог и весь духовный мир действительно существуют. Мы можем полагаться на реальность незримого Бога и духовного мира с той же уверенностью, с какой полагаемся на зримый, знакомый нам окружающий мир. Духовный мир здесь, и он ожидает нашего внимания, требуя от нас веры.

Беда в том, что мы привыкаем мыслить стандартно, стереотипно. Мы привычно считаем видимый мир самым ни на что реальным и сомневаемся в реальности какого бы то ни было иного мира. Мы не отрицаем существования духовного мира, но сомневаемся в том, что он реален в принятом значении этого слова.

Мир чувств и ощущений день и ночь вторгается в поле нашего сознания, и так до самой смерти. Мир этот нахальный, крикливый и неуступчивый. Он не просит нашей веры; он уже здесь и, пребывая здесь, насилуя наши чувства, он требует, чтобы с ним считались как с миром реальным и единственным. И искаженные грехом зеницы наших духовных очей не могут увидеть иной реальности, града Божьего, сияющего окрест нас. Чувственный мир правит свой бал. Видимое становится врагом невидимого; временное — врагом вечного. Таково проклятие, которое наследует всякий росток от Адамова трагического рода.

В основании христианской жизни находится вера в невидимое. Объектом христианской веры является невидимая реальность.

Следствием слепоты наших сердец и власти над ними видимого мира стало извращенное мышление, склонное проводить водораздел между духовным и реальным, тогда как такого контраста просто не существует. Противопоставить можно все — реальное и

воображаемое, духовное и материальное, временное и вечное. Но только не духовное и реальное. Потому что духовное — реально.

Если мы желаем вознестись в область света и силы, куда увлекает нас Писание, нам нужно сокрушить зловредную привычку отвергать духовное. Нам следует переместить свои интересы из области видимого в область невидимого, поскольку великой невидимой Реальностью является Бог. «Ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздаст» (Евр.11:6). Вот в чем основная суть веры. Только отсюда мы можем вознестись к безграничным высотам. «Да не смущается сердце ваше, — говорит наш Господь Иисус Христос, — веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Ин.14:1). Без одного не бывает другого.

Если мы воистину желаем идти за Богом, нам следует быть не от мира сего. Это я утверждаю, хорошо отдавая себе отчет в том, что чада века сего превратили эти слова в объект для насмешек. Пусть так. Каждому надо избрать свой мир. Если мы, следующие за Христом, понимаем, что нас окружает, и, зная что к чему, сознательно включаем Царство Божье в сферу своих интересов, то я не вижу оснований для протестов со стороны кого бы то ни было. Если мы утратим что-то, то это будет наша утрата; если приобретем — наше приобретение, и, поступая так или иначе, мы никому не вредим и ни у кого ничего не отнимаем. «Иной мир», который в наше время стал темой для издевок, есть цель, избранная нами со всей ответственностью, и объект наших самых святых устремлений.

Однако не следует впадать в распространенное заблуждение, относя «мир иной» в будущее. «Мир иной» — это не мир будущий, он — мир настоящий. Он идет курсом, параллельным нашему физическому миру, и двери между этими двумя мирами открыты. «Но вы приступили, — утверждает автор Послания к Евреям (и время здесь ясно указывает на события в настоящем), — к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева» (Евр.12:22-24). Все, о чем здесь говорится, это не «гора осязаемая» (Евр.12:18) и «трубный звук и глас глаголов» (Евр.12:19). Вряд ли правомочно сделать заключение, что если гора, Синай воспринималась чувственно, то и подлинная сущность горы Сион должна постигаться чувствами. И в то же время это вовсе не обман воображения, а самая настоящая, очевидная действительность. У духа есть свои глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Они могут ослабнуть от длительного бездействия, но от животворного прикосновения Христа они оживают и обретают остроту восприятия.

Как только мы начинаем сосредоточиваться на Боге, мир духовного во внутреннем нашем восприятии начинает приобретать свои очертания, форму. Послушание слову Христа приводит к внутреннему откровению Божества (Ин.14:21-23). Соблюдение слова Божьего дает остроту восприятия Бога, как и было обещано чистым сердцам. Новое понимание Бога захватывает, и мы начинаем вкушать, и видеть, и слышать, и чувствовать внутри себя Бога, Который есть жизнь наша и все достояние наше. Тогда разольется постоянное сияние «Света истинного, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин.1:9). Все более и более, по мере того как способности наши оттачиваются и утверждаются, Бог будет становиться для нас великим Всем, и Его непосредственная близость станет чудесным знаком и славой нашей жизни.

О, Боже, оживи во мне всякую силу, дабы я мог ухватиться за то, чтоечно. Открой глаза мои, дабы я мог видеть; дай мне острое духовное зрение; надели меня способностью вкушать Тебя и знать, что Ты благ. Сделай для меня небесное столь же реальным, каким всегда было земное. Аминь.

5. В Присутствии Бога

Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убежу?

Пс.138:7

В основе христианского учения лежат известные фундаментальные истины, временами скрытые, скорее заявляемые, нежели отстаиваемые, но необходимые для отражения всей полноты правды, как естественные краски бывают необходимы для труда живописца. К одной из таких истин относится вездесущность Бога.

Бог обитает в Творении, пребывает невидимым образом везде и во всех делах Своих. Это смело провозглашали пророки и апостолы, и это учение в общем принято христианским богословием. Иначе говоря, оно встречается в известных книгах, но, и на то есть своя причина, не западает в сердце среднего, обычного христианина так, чтобы стать частью его совести. Христианские наставники опасаются братья за него всерьез и если и ссылаются на это, то как на нечто малозначительное. Я бы назвал причиной этого страх быть осужденным в пантеизме. Однако учение о Божественном Присутствии назвать пантеизмом никак нельзя.

Грех пантеизма слишком очевиден. Суть его в том, что Бог, якобы, есть сумма всего тварного. Природа и Бог суть одно, и, касаясь простого листа или камня, мы касаемся Бога. Конечно, обожествляя все тварное, мы унижаем славу нетленного Бога и изгоняем все Божественное из мира.

Бог обитает в сотворенном Им мире, но между Ним и миром лежит великая, непроходимая пропасть. Такова истина. Как бы мы ни отождествляли Бога с творениями рук Его, последние всегда останутся иными, нежели Сам Он, и Он должен предшествовать, и предшествует им, и независим от них. Он трансцендентен, за пределами в отношении всего сотворенного Им и в то же время имманентен всему, вездесущ.

Что понимается под Божественной имманентностью в непосредственном христианском опыте? Попросту, что *Бог здесь*. Где бы ни оказались мы — там Бог. Нет и не может быть ни одного такого места, где бы не было Бога. Каждый из десяти миллионов наблюдателей, расставленных в десяти миллионах точек, отдаленных друг от друга на большое расстояние, может справедливо заявить, что Бог здесь. Нет такой точки в пространстве, которая была бы ближе к Богу, чем другая. Где бы ни находилась та или иная точка, здесь или там, она одинаково близка к Богу. И никто в мире не находится ближе к Богу или дальше от него, нежели другой.

Таковы истины, в которые веруют все христиане. Для нас привычно размышлять о них и обращаться с молитвами к небу до тех пор, пока эти истины не начнут пылать в наших сердцах. «В начале... Бог...» (Быт.1:1). Не материя, ибо материя не есть первопричина. Первопричиной является Бог. Не принцип, ибо принцип есть просто имя тому порядку, которому подчиняется все тварное. Этот порядок надо было спроектировать, и Сей Проектировщик есть Бог. Не разум, ибо разум также сотворен Богом-Творцом. В начале всего — Бог, первопричина материи, разума и закона. Отсюда мы должны начинать.

Адам согрешил и в паническом страхе хотел совершить невозможное: он пытался укрыться от непосредственной близости Бога. Надо полагать, и Давид также знал эту безумную попытку бежать от Присутствия Божьего, ибо писал: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» (Пс.138:7). Затем в одном из самых своих прекрасных псалмов он продолжает прославлять Божественную вездесущность: «Взойду ли на небо. Ты там; сойду ли в преисподнюю, и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс.138:8-10). И он знал, что *бытие* Божье и *видение* Божье суть одно и то же и что видимое Присутствие пребывало с ним прежде его рождения, наблюдая тайну распускающейся жизни. Соломон воскликнул: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил» (3Цар.8:27). Павел уверял афинян в том, что «Он и не далеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян.17:27-28).

Если Бог присутствует в каждой отдельно взятой точке пространства, если мы не можем уйти туда, где Его нет, и не можем даже представить себе такое место, где бы не было Его, отчего же тогда это Присутствие не превратилось в факт, прославляемый всеми в этом

мире? Праотец Иаков «в степи печальной и дикой» (Втор.32:10) ответил на этот вопрос. Он увидел Бога в видении и воскликнул в изумлении: «Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!» (Быт.28:16). Иаков ни на миг не выходил за пределы Присутствия Божьего. Однако он не знал об этом. Вот в чем было его несчастье, и заодно с ним и наше. Люди не знают, что Бог здесь. Как бы сказало на нашей жизни такое знание!

Присутствие и проявление Присутствия — не одно и то же. Одно может быть вне другого. Бог здесь, когда мы совершенно не осознаем этого. Он является только тогда и постольку, когда и поскольку мы осознаем Его близость. Что касается нас, то нам следует предаться Духу Божьему, ибо это Его труд — явить нам Отца и Сына. Если мы станем сотрудничать с Ним в сыновнем послушании, Бог явит нам Себя, и это явление положит грань между жизнью христианина по названию и жизнью, которая светится светом лица Его.

Во всем и повсюду присутствует Бог и всегда ищет возможность открыться каждому. Он открыл бы Себя, и не только то, что Он есть, но и каков Он. Его не надо было убеждать явиться Моисею. «И сошел Господь в облаке, и остановился там близ него, и провозгласил имя Иеговы» (Исх.34:5). Он не только провозгласил словесно о Своей сущности, но явил Моисею Самого Себя так, что лицо пророка стало светиться сверхъестественным светом. Для некоторых из нас великим моментом станет время, когда мы уверуем в то, что обетования Божьи о Самооткровении Его в точности сбудутся, что Он обетовал многое, но не более того, что намеревался исполнить.

Наши поиски Бога бывают успешны только потому, что Он Сам всегда хочет явиться нам. Откровение Божье любому человеку — это не явление Бога откуда-то издалека и однажды, дабы нанести человеческой душе краткий и важный визит. Полагать такое — значит все понимать неправильно. Приближение Бога к душе или души к Богу нельзя помещать в рамки пространственных представлений. Идея материального пространства здесь исключается. Приближение Бога соотносится не с милям, а с переживаниями.

Когда мы говорим «быть ближе» к Богу или «быть дальше» от Бога, то прибегаем к языковым средствам, всегда понятным в приложении к обыкновенным человеческим отношениям. Человек может сказать: «Мне кажется, что мой сын становится мне с годами все ближе», — хотя сын этот всегда жил рядом с отцом со дня рождения своего и никогда за всю свою жизнь не покидал родного дома больше, чем на день или два. Но что же тогда имеет в виду отец? Понятно, что он говорит о своих чувствах. Он имеет в виду, что мальчик вступает с ним в более тесные отношения, понимает его глубже, что умственные и эмоциональные преграды между ними исчезают, что отец и сын теснее сплачиваются друг с другом разумом и душой.

Так же, когда мы поем «Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе», мы не воображаем себе приближения в пространстве, но думаем о близости наших отношений с Ним. Мы молимся именно о большей степени осознания, о более совершенном переживании Божественного Присутствия. Нам не надо взывать через бездну к отсутствующему Богу. Он гораздо ближе к нам, ближе нашей собственной души, ближе самых тайных наших помыслов.

Почему одни люди «находят» Бога, а другие, проходя тем же путем, Его не находят? Почему Бог являет Свое Присутствие некоторым и допускает множеству других блуждать в сумерках несовершенного христианского опыта? Конечно же, воля Божья для всех одна. В домоустройстве Божьем нет фаворитов. Все, что Он сделал ради кого-то из Своих чад, Он сделает и для всех остальных Своих детей. Несогласие в нас, а не в Боге.

Отберите наугад великих святых, чья жизнь и свидетельство широко известны. Пусть это будут библейские персонажи или хорошо знакомые вам христиане постбиблейских времен. И вас немедленно поразит то, что все они очень разные! Иногда их непохожесть столь велика, что просто приковывает наше внимание. Как отличались друг от друга, например, Моисей и Исаия, Илия и Давид; как непохожи были Иоанн и Павел, Св. Франциск и Лютер, Чарлз Финни и Фома Кемлийский. Неповторимость равна разнообразию самой жизни: отличия расовые, национальные, в образовании, темпераменте, привычках и личностных свойствах. И тем не менее все они ходили пред Богом, каждый в свое время,

путями вышнего, духовного бытия, путями, значительно возвышающимися над обыкновенными.

Должно быть, их различия были случайными и в очах Божьих не имели никакого существенного значения. В некотором жизненно важном качестве все великие святые должны были весьма походить друг на друга. Но что же это за качество?

Осмелюсь предположить, что таковым, единственно важным качеством, объединявшим их всех, была духовная отзывчивость. Нечто в них отворено было пред небесами, нечто, влекущее их к Богу. Без претензий на глубинный анализ я должен сказать просто, что они обладали духовным сознанием, которое они непрестанно взращивали до тех пор, пока не превратили его в величайшее явление своего бытия. От среднего человека они отличались тем, что, испытывая духовную жажду, они *что-то делали с этим*. Они приобрели пожизненную духовную отзывчивость, привычку откликаться. Они умели быть послушными небесам. Давид излагает это так: «Сердце мое говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс.26:8).

Как за всем благом в жизни человека стоит Бог, так же стоит Он и за духовной восприимчивостью. Здесь проявляется верховная власть Божья, которую ощущают даже те, кто не придает значения богословскому обоснованию этой восприимчивости. Микеланджело выразил это в сонете:

Мое сердце без Тебя — бесплодная, глина.
Оно не может напитать меня.
Ты — семя добрых и благочестивых дел,
Которое прорастет только там, где
Ты скажешь: «Да будет».
Мое сердце изменится, если
Ты покажешь Свой истинный путь.

Эти слова заслуживают того, чтобы задуматься над ними как над глубоким и серьезным свидетельством, прозвучавшим из уст великого христианина.

Нам важно сознавать, что Бог трудится в нас, но я все же хотел бы предупредить об опасности слишком большой увлеченности этой идеей. Она есть верный путь к бесплодной пассивности. Бог не потребует от нас понимания тайн избрания, предопределения и Своей верховной власти. Лучший и безопаснейший способ разрешить все вопросы, связанные с подобными истинами, — это взглянуть на Бога в глубочайшем благоговении и сказать: «Господь, Ты знаешь». Такие истины относятся к глубокой и таинственной бездне Божьей премудрости. Погружаясь в глубины подобных истин, можно стать богословом, но никогда — святым.

Духовная восприимчивость — явление вовсе не простое; более того, это явление сложное, состоящее из нескольких душевных элементов, таких, как влечение, склонность, ответная симпатия, желание обладать. Отсюда можно заключить, что духовная восприимчивость в целом имеет несколько степеней интенсивности, что ее можно иметь в большей или меньшей степени в зависимости от того, каковы индивидуальные качества личности. Упражнение развивает восприимчивость, небрежение губит. Она не является суверенной и независимой силой, нисходящей на нас как дар свыше. Несомненно, духовная восприимчивость есть дар Божий, однако этот дар надо распознать в себе и взращивать так же, как иные дары, чтобы мы исполнили то, ради чего они даны были нам.

Непонимание этого факта есть причина несостоятельности современного евангелизма. Идее воспитания и упражнения своей души, столь дорогой сердцам святых во дни древние, места на религиозной палитре наших дней уже не находится. Если сегодня мы и упражняем себя, то слишком вяло. Ведь мы, современные христиане, требуем не навыка и упражнений, а эффективных и впечатляющих действий. Поколение христиан, воспитанное в условиях кнопочной автоматки, не переносит неторопливых и недостаточно директивных методов

достижения целей. До сих пор мы старались методы машинного века внедрять в наши отношения с Богом. Прочитав главу из Библии и помолившись второпях, мы разбежались прочь в надежде компенсировать свое духовное банкротство то посещением евангельских собраний, то еще одной волнующей историей, рассказанной каким-нибудь религиозным авантюристом, недавно вернувшимся издалека.

Трагические последствия подобного духа заметны повсюду: инфантильная духовность, пустая религиозная философия, преобладание в евангельских собраниях развлекательных моментов, прославление человека, склонность доверять религиозной наружности, ложные братства, торгашеская психология умеющих преподнести себя, иллюзия обладания силой Духа Святого там, где действует лишь человеческая энергия. Все это признаки злосчастного недуга, застарелой и опасной душевной болезни.

Никто не несет ответственности за столь тяжкую болезнь, пожирающую нас, но нет ни одного христианина, который был бы свободен от этой ответственности. Каждый из нас прямо или косвенно вносит свою лепту в это печальное дело. Мы были слишком слепы, чтобы видеть, или слишком застенчивы, чтобы выговорить, или слишком самодовольны, чтобы возжелать чего-то другого, кроме той скудной диеты, которой вполне довольствуемся. Иначе говоря, мы перенимали чужие понятия, подражали чьей-то жизни и принимали за образец чужой эмоциональный опыт. В каждом новом поколении эта тенденция крепла, а положение дел ухудшалось. И вот нас выбросило на мель, и, что хуже всего, мы приспособили Слово истины к собственной жизни и принимаем эту самую мель за благословенную пажить.

Потребуется непреклонное сердце и больше, нежели просто смелость, — потребуется отвага, чтобы освободиться от железной хватки нашего времени и вернуться на библейские пути. Причем это вполне выполнимо. В прошлом христианам время от времени приходилось возвращаться на пути праведные. История зафиксировала в своих анналах несколько крупномасштабных возвращений на пути Божьи, которые возглавляли такие реформаторы, как Святой Франциск, Мартин Лютер и Джордж Фокс. К сожалению, ныне на горизонте нет нового Лютера или Фокса. Ждать нам или не ждать нового возвращения на пути Божьи до второго пришествия Христа — это вопрос, который обсуждается христианами, ибо полного согласия здесь между ними нет. Однако сейчас не это важно для нас.

Я вовсе не претендую на знание Божьих дел, которые Он в Своей верховной власти хочет совершить в масштабе всего мира. Однако, уверен, я знаю то, что Он желает сделать для простых людей, мужчин и женщин, ищущих лица Его, и могу о том поведать другим. Если какой-то человек честно начнет упражняться в благочестии, будет стремиться развивать силу своей духовности, то результаты этих его поступков превзойдут все, на что он надеялся во дни своей немощи и бедности.

Душа всякого, кто после покаяния и искреннего обращения к Богу вырвется из темницы, в которой он содержался до сих пор, и обратится к самой Библии в поисках духовных образцов, будет удовлетворена тем, что найдет там.

Повторю снова: Божье Присутствие существует в действительности. Бог здесь. Вся вселенная живет, ибо Он жив. Он не чуждый и не чужой нам Бог, но мы знаем Его как Отца нашего Господа Иисуса Христа, Чья любовь все прошедшие тысячелетия обнимала греховный род человеческий. И все это время Он старается попасть в поле нашего сознания, пытается открыться нам и вступить с нами в общение. У нас тоже есть внутренняя способность познать Его, но для этого нам надо ответить на Его инициативу. Вот это мы и называем поисками Бога! Мы будем познавать Его все больше и глубже по мере того, как наша духовная восприимчивость будет становиться все более совершенной в любви и вере и на деле.

О Бог и Отец, я каюсь в своей греховной озабоченности миром, видимым. Сей мир занимал во мне слишком много места. Ты же был здесь, а я этого не знал. Я был слеп и не видел Твоей близости. Открой мои глаза, дабы я мог узреть Тебя в себе и окрест себя. Во имя Иисуса Христа. Аминь.

6. Глас Глаголющего

*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
Ин.1:1*

Человек, невежественный в области христианских истин, натолкнувшись на это место в Священном Писании, придет к выводу. Иоанн учит нас, что существенной особенностью Бога является способность говорить, сообщать Свои помыслы другим. И этот читатель окажется прав. Слово есть средство, с помощью которого выражают мысли, а представление о предвечности Сына как Слова приведет нас к заключению, что Божеству изначально присуще самовыражение, что Бог вечно ищет возможность говорить со Своей тварью. Такое понимание находит библейское подтверждение. Бог говорит. Не Бог сказал, и все на этом кончилось, но *Бог говорит*. По природе Своей Бог высказывает Свои мысли. Глас Глаголющего наполняет весь мир.

Одной из величайших реальностей, с которыми нам следует иметь дело, является глас Божий, звучащий в мире Его. Кратчайшая и единственно убедительная космогония отражена в следующих словах: «Ибо Он сказал, — и сделалось» (Пс.32:9). Основанием естественного закона природы является живой голос Божий, пребывающий в Его творении. Под этим Словом Божьим, вызвавшим к бытию все миры, подразумевается не Библия (поскольку слово Глаголющего не есть только слово писаное или печатное), а выражение воли Божьей, высказанное всему мирозданию, равнозначное дыханию Его, наполняющему мир живой энергией. Глас Глаголющего есть наиболее могущественная сила в природе, причем единственная сила, так как вся остальная энергия во вселенной существует лишь постольку, поскольку звучит это Слово, исполненное мощи.

Святая Библия есть писаное Слово Божье, и, будучи писаной, Библия заключена в рамки и стеснена необходимостью в краске, бумаге и сафьяне. А голос Божий жив и свободен, как свободен Сам Бог в верховной власти Своей. «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин.6:63). В этих звучащих словах сокрыта жизнь. Библейское Слово Божье обретает силу лишь потому, что согласуется со Словом Божьим, звучащим во вселенной. Только настоящий глас Глаголющего и делает писаное Слово всесильным. Иначе оно оказывается в заключении и дремлет под обложками.

Существует примитивная точка зрения, что Бог во время творения приходит в физическое соприкосновение с тварным миром, словно плотник, придавая ему форму и подгоняя его части. Библия учит иному: «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их.» Ибо Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось» (Пс.32:6,9). «Верую познаем, что веки устроены словом Божиим» (Евр.11:3). И снова надо вспомнить, что здесь говорится о Боге не как о писаном Слове, но как о Слове звучащем. Имеется в виду Его Голос, наполняющий всю вселенную, тот Голос, который предшествовал Библии бесчисленное количество веков, тот, который звучал не умолкая от зари творения и до крайних пределов вселенной.

Слово Божье живо и действенно. В начале Он сказал ничему, и ничто стало *чем-то*. Хаос услышал Слово Божье и стал порядком; тьма услышала Слово Божье и стала светом. «И сказал Бог... И стало так» (Быт.1:9). Эта пара, словно причина и следствие, повторяется во всей истории творения, изложенной в Книге Бытия. Слово *сказал* объясняет слово *так*. Слово *так* есть слово *сказал*, переведенное в настоящее длительное время.

Бог здесь, и Он говорит — вот какие истины находятся в основании всякой другой библейской правды; без них вообще невозможно никакого откровения. Бог не написал книгу и не передал ее через посланца, дабы ее читали где-то вдали от Него и без помощи с Его стороны. Он вдохновил Книгу и живет в Своих прозвучавших словах, и постоянно звучат эти слова и наполняются силой, чтобы стоять в веках. Бог вдохнул дыхание Свое в прах земной, и тот стал человеком; Он дохнет, и человек возвращается в тление. «Возвратитесь, сыны

человеческие» (Пс.89:4), — таким было слово, сказанное после грехопадения, в котором смерть объявлялась всякому человеку, и никаких иных слов Ему не понадобилось. Печальное шествие человечества от рождения к могиле есть доказательство того, что одного слова Божьего было достаточно.

Мы не уделили внимания глубокому выражению евангелиста Иоанна: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (1:9). Как угодно изменяйте пунктуацию, и это все равно не повредит истине: Слово Божье вступает в сердца всех людей как свет души. Свет светит в сердцах всех людей, и Слово звучит, и куда убежишь от сего, куда скроешься? Конечно, такое может быть лишь тогда, когда Бог жив и пребывает в Своем мире. Апостол Иоанн подтверждает, что так оно и есть. Ведь даже людям, ни разу не слышавшим о Библии, проповедуется Евангелие, причем так, чтобы не было у них отговорок и оправданий. «Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:15). «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим.1:20)

Евреи в древности этот вселенский Глас Божий нередко нарекали Мудростью, которая, как говорили они, звучала везде и проникала повсюду, добиваясь восприимчивости сынов человеческих. Восьмая глава Книги Притчей начинается так. «Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой?» Далее писатель олицетворяет мудрость, представляя ее в образе прекрасной женщины, которая становится «на возвышенных местах, при дороге, на распутиях» (Прит.8:2). Она возносит свой голос, дабы всякий мог расслышать ее. «К вам, люди, взываю я, и к сынам человеческим голос мой» (8:4) Затем она обращается к неразумным и глупым с просьбой прислушаться к ее словам. Мудрость Божья взывает к нашей духовной отзывчивости, к тому ответу, которого она всегда ждет, а получает редко. Увы, трагедия в том, что наше благоденствие в вечности зависит от слышания, мы же приучили себя ничего не слышать.

Этот вселенский Глас Божий звучал и звучит всегда, и он часто тревожил совесть людей, даже тогда, когда они не понимали источника своих страхов. Может быть, этот Глас, пропитывая подобно живому туману сердца людей, представлял собой нераспознанную причину встревоженной совести и стремления к бессмертию, исповедуемого миллионами людей доисторических времен? Не надо бояться признаться в этом. Глас Божий есть фактическая данность. Всякий наблюдательный человек имеет возможность увидеть, как люди реагируют на этот голос.

Когда Бог говорил с небес нашему Господу, люди, озабоченные только собой, услышав, объясняли его естественными причинами, говоря «Это гром». Установка объяснять Глас Божий законами природы заложена в основании современной науки В дышащем жизнью космосе имеется таинственное Нечто, для всякого ума слишком удивительное, слишком величественное, чтобы понять его Верующий человек и не претендует на такое понимание Он преклоняет колени и шепчет. «Бог» Прах земной — человек — также падает ниц, но не Богу он поклоняется. Он припадает к земле, чтобы проверить, испытать, исследовать, выяснить что и как. Нашим современникам выпало жить в эпоху секуляризации. Установки человеческого мышления — это установки исследователя, а не того, кто чтит Бога. Похоже, что нам больше приходится объяснять, нежели поклоняться. «Это гром», — восклицаем мы и шествуем дальше своими земными путями. Но Глас Божий все еще звучит и взыскует. Порядок и жизнь в этом мире зависят от этого Гласа, однако люди большей частью заняты или слишком жестоковыйны, чтобы обратить на него внимание.

Каждый из нас может припомнить переживания, которым нет никакого объяснения: внезапное чувство одиночества, ощущение чуда и благоговение пред безбрежными просторами вселенной. Иногда же мы испытываем мимолетные озарения, подобные вспышкам света от иного светила, и такие явления убеждают нас в том, что мы принадлежим иному миру, что наше происхождение Божественное. То, что мы можем в эти мгновения

увидеть, ощутить или услышать, часто противоречит всему, чему мы научились в школе, противоречит всем нашим прежним взглядам и убеждениям. Тогда мы бываем вынуждены отбросить на какое-то время все свои нажитые сомнения, пока мрачные тучи их снова не обступят нас и мы не вернемся к самим себе. Начни мы объяснять подобные вещи, думаю, что погрешили бы против истины, если бы не допустили (по крайней мере в качестве возможности), что такие переживания могут возникнуть только в непосредственной близости к Богу и благодаря Его постоянным усилиям установить общение с человечеством. Поэтому не будем легкомысленно порывать с этой гипотезой.

Мое личное мнение (и здесь я не буду очень огорчаться, даже если никто не поддержит его) заключается в том, что все добро и красота, которые человек до сих пор произвел на земле, возникли в результате его отклика (пусть и несовершенного) на творящий Глас, звучащий в этом мире повсюду. Философы, которые погружались в высокие мечты о добродетели, религиозные мыслители, размышлявшие о Божестве и бессмертии, поэты и художники, из обычных материалов создававшие вечную и нетленную красоту — как объяснить существование всего этого? Здесь не отделаться простым «это были гении».

Кого мы называем гением? Быть может, гений — это человек, преследуемый Гласом Глаголющего, человек, который старается во что бы то ни стало достичь тех целей, в которых он и сам не отдает себе отчета? То, что великий человек в трудах своих может упустить Бога или даже выступить против Него, не противоречит тезису, который я ныне выдвигаю. Человеку необходимо искупающее откровение Священного Писания для спасительной веры и мира с Богом. Необходима вера в воскресшего Спасителя, чтобы смутное влечение к бессмертию привело нас к полному и умиротворяющему общению с Богом. Я вижу в таком толковании единственно возможное объяснение того, что в мире существует доброе и прекрасное вне Христа. Однако вы можете оставаться добрым христианином, и не соглашаясь с этими рассуждениями.

Глас Божий — это глас сочувствующий, дружелюбный, благоприятный. Никому не страшно прислушиваться к этому голосу, за исключением того, кто внутренне приготовился противостоять ему. Кровь Иисуса омыла не только весь человеческий род, но также и все остальное творение. «И чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив чрез Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Кол. 1:20). Можно безопасно проповедовать дружелюбное Небо. Небо, как и земля, исполнено Его доброй воли, обитающей в неопалимой купине. Совершенная Кровь искупления — вот вечная гарантия этой доброй воли.

Всякий, кто прислушается, услышит говорящее Небо. Определенно, что еще не пробил час, когда люди начнут послушно принимать призыв слушать, ибо слышание в наше время не является частью популярной религии. Вот от чего мы теперь отстранились, пребывая на ином, противоположном полюсе. Религия увлечена ныне модной идеей о том, что шум толпы, энергия, неистовство и хвастовство делают человека угодным Богу. Однако надобно набраться мужества. Народу, попавшему в бурю последнего великого столкновения, Бог говорит: «Остановитесь и познайте, что Я Бог» (Пс.45:11). Он и до сих пор продолжает говорить это, как бы желая передать нам, что наша сила и безопасность не в шуме и гвалте, а в тишине.

Важно помнить, что нам следует искать тишины, и в тишине ожидать Бога. И лучше делать это в одиночестве, и лучше с раскрытой Библией. Тогда, если мы желаем этого, мы приблизимся к Богу и начнем слышать Его, говорящего с нами в сердцах наших. Мне думается, что путь к Богу для обыкновенного человека может оказаться следующим: вначале звук Присутствия ходящего в Эдемском саду, затем глас, постижимый, но все же еще далекий и невнятный, затем блаженный момент, когда Дух начнет озарять Писания, и то, что вначале было звуком или в лучшем случае голосом, ныне становится понятным словом, теплым, и близким, и ясным, как голос дорогого друга. Затем явится жизнь и свет и, что превыше всего, способность видеть и успокоиться в объятиях Иисуса как Спасителя и Господа всего.

Библия никогда не станет для нас живой Книгой до тех пор, пока мы не убедимся, что Бог ясно говорит в ней со всей Своей вселенной. Совершить скачок из мертвого, внеличного мира в мир Библии для большинства людей не просто. Они могут еще согласиться с тем, что Библию следует принимать за Слово Божье, они могут постараться проникнуться этим пониманием, однако они же найдут совершенно нереальной веру в то, что слова, написанные вот на этой конкретно странице, и в самом деле имеют какое-то отношение к ним, современным людям. Человек может сказать, что эти слова не относятся к нему, и в то же время в сердце своем не чувствовать и не понимать, что это на самом деле так. Он есть жертва раскола человеческой психики. Он мыслит о Боге как о существе безгласном и звучащем только в книге.

Полагаю, что значительная часть нашего религиозного неверия строится на том, что люди не проникаются истинами Писания и потому получают ошибочное представление о них. В книге молчаливый Бог внезапно начинает говорить, но когда книга кончается, Он снова замолкает навеки. В наше время мы читаем Библию как стенограмму того, о чем говорил Бог, иногда пребывая в разговорчивом настроении. Как можно верить в Бога, если у нас такие понятия о Нем? Действительность же такова, что Бог не молчит теперь, как никогда не молчал и ранее. Для Бога характерно говорить. Вторая Личность Троицы названа Словом. Само Священное Писание порождено было непрерывным диалогом Бога с человечеством. Библия есть непогрешимая декларация ума Божьего, написанная на языке, понятном нам.

Думаю, что из религиозного тумана проступит и предстанет перед нами новый мир, если мы приступим к Библии, отдавая себе ясный отчет в том, что она не просто книга, которую когда-то однажды продиктовали кому-то, но книга, которая *говорит ныне*. Пророки обыкновенно повторяли: «Так *говорит* Господь». Подразумевалось, и их слушатели понимали это, что Бог говорил в длящемся вечно настоящем. Использовать прошедшее время, чтобы указать на определенное слово Божье, высказанное в определенный момент прошлого, правильно; однако слово Божье, однажды сказанное, продолжает звучать, как ребенок, однажды родившись, продолжает жить или мир, однажды сотворенный, продолжает существовать. И эти толкования — всего лишь несовершенные пояснения, поскольку дети умирают и миры гибнут в огне, но Слово нашего Бога пребывает вовек.

Если у вас есть желание двигаться вперед в познании Господа, то, не медля, откройте Библию и ждите, что она поведает вам. Не подходите к этому так, будто вы можете действовать по своему усмотрению. Это не какая-то вещь, это Глас, Слово, истинное Слово живого Бога.

Господи, научи меня слушать. Времена теперь шумные, и слух мой ослабел от грубых звуков, которые беспрестанно атакуют меня. Дай мне духа отрока Самуила, говорившего Тебе: «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой». Дай мне услышать Тебя в моем сердце. Дай мне слушать звучание Твоего голоса, дабы интонации его были знакомы мне, когда сгинут звуки мира сего и только одни звуки останутся — музыка Твоего звучащего слова. Аминь.

7. Возведи очи души своей...

Взирая на начальника и совершителя веры...

Евр.12:2

Давайте представим себе, что наш простой, разумный, но невежественный человек, упомянутый в шестой главе, впервые обращается к чтению Священного Писания. Он приступает к Библии, не зная ничего из того, о чем повествует эта книга. У него начисто отсутствует предубеждение; он ничего не доказывает и ни от чего не защищается.

Такому человеку не надо много времени, чтобы убедиться в известных истинах, которые откроются ему со страниц Библии. Эти истины суть духовные законы, проступающие в делах Божьих по отношению к людям, о которых святые мужи говорят как

о «движимых Духом Святым» (2Пет.1:21). По мере того как этот человек станет вчитываться в текст, ему наверняка захочется как-то систематизировать открывшиеся истины и сделать для себя какие-то выводы по каждому из элементов системы. Такие выводы станут доктринами его собственного библейского кредо. Дальнейшее чтение не повлияет существенным образом на эти положения, но лишь подкрепит и уточнит их. Таким образом этот человек приходит к тому, чему Библия фактически и учит.

В самом начале списка доктрин, которым учит Библия, окажется доктрина о *вере*. Важнейшее значение, которое Библия придает вере, бросится в глаза, и наш читатель не упустит его. Вероятнее всего, он заключит, что вера является стержнем всей духовной жизни. «А без веры угодить Богу невозможно» (Евр.11:6). Вера дает нам способность духовно расти и процветать в Божьем Царстве, без веры же нет доступа к Богу, нет прощения, нет избавления, нет спасения, нет общения и вообще никакой жизни духа.

К тому времени, когда наш друг доберется до одиннадцатой главы Послания к Евреям, красноречивые восхваления, которые там звучат по отношению к вере, не покажутся ему необычными. Ведь он уже прочитал мощные речи Апостола Павла в защиту веры в Посланиях к Римлянам и Галатам. Затем, если он углубится в историю церкви, он осознает поразительную силу учений реформаторов, так как они указывали на центральное положение веры в христианской религии.

Итак, если вера жизненно важна, если есть необходимый, обязательный, не допускающий исключений императив в наших поисках Бога, тогда совершенно естественно нам глубоко задуматься над вопросом: обладаем ли мы этим наиболее драгоценным даром? А поскольку наш разум остается нашим разумом, то неизбежно, теперь или позднее, он приведет нас к вопросу о природе самой веры. За вопросом «Что *есть* вера» скрывается другой: «*Есть* ли она у меня?", и это потребует ответа, если вообще такой ответ возможен.

Почти все, кто пишут или высказываются о вере, сообщают нам о ней в основном одно и то же. Они говорят, что это уверенность в истинности Его слов и обетовании, что это доверие к Богу, высказавшемуся в Слове о правдивости, истинности Библии, и что нужно следовать ее предписаниям. Далее, как правило, идет рассказ о людях, которые молились, и Бог отвечал на их молитвы по их вере. Эти ответы в большинстве своем являются дарами практического или материального свойства, как, например, здоровье, деньги, физическая безопасность или успех в делах. Если же проповедник — человек с философским складом ума, то он возьмет иной курс и заведет нас в метафизические дебри или завалит нас философской терминологией, определяя и уточняя понятия, тем самым все больше и больше подкашивая тощую растительность нашей веры, пока она, наконец, не обратится в тончайшую паутину. Когда же он закончит, мы останемся в полном недоумении и начнем выбирать «через ту же дверь, какою вошли». Воистину, должен существовать лучший путь.

Священное Писание практически никак не определяет понятие веры. Кроме определения в одиннадцати словах из Послания к Евреям 11:1, я не знаю никакого другого библейского определения. Но даже здесь вера определена функционально, а не философски, то есть говорится о том, что такое вера *в действии*, но не *по существу*. Это определение предполагает наличие веры и показывает, что является результатом ее, а не что она собой представляет. Мы проявим мудрость, если дойдем до этих пределов и остановимся. Нам сообщено, откуда и при помощи чего вера нисходит в нас: «сие не от вас, Божий дар» (Еф.2:8) и «Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим.10:17) И это более чем убедительно. Если же перефразировать Фому Кемпийского, то можно сказать себе: «Я должен скорее проявлять веру, чем знать определение ее».

Отсюда и далее, когда в этой главе встречаются слова «вера есть» или их эквиваленты, я прошу, чтобы их понимали в том смысле, как вера проявляется в делах верующего человека. Теперь оставим разговор на тему определения веры и поговорим о том, какова она в переживании, то есть на практике. Наш разговор будет идти скорее в ключе практическом, чем теоретическом.

Во впечатляющем рассказе из Книги Чисел (21:4-9) видны проявления веры в действии, на практике, на деле. Сыны Израилевы стали малодушествовать и говорить противное Богу, и тогда Господь послал ядовитых змей, которые «...жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых». И тогда Моисей искал Господа, дабы просить о народе, и Он услышал и дал им средство от укусов змей. Он повелел Моисею сделать медного змея и поставить его на столбе на виду у всего народа, «и ужаленный, взглянув на него, останется жив». Моисей выполнил повеление Господа, «и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив».

В Новом Завете этому важному историческому эпизоду дается толкование, причем не кем-нибудь, а Господом Иисусом Христом лично. Он объясняет Своим слушателям, как им можно спастись. Он рассказывает, что спастись можно только верой. И чтобы прояснить вопрос, Он напоминает данный эпизод из Книги Чисел: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин.3:14-15).

Наш простой человек, читая это место, может сделать важное открытие. Он обратит внимание на то, что понятия *взглянуть* и *поверить* синонимичны. «Взглянуть» на ветхозаветного змея то же, что «поверить» в новозаветного Христа. То есть *взглянуть* и *поверить* — это одно и то же. И тогда он поймет, что сыны Израилевы смотрят плотскими глазами, а вера свершается в сердце. Полагаю, что наш читатель сделает вывод о том, что *вера есть взгляд души на спасающего Бога*.

Когда он поймет это, он вспомнит места из Библии, которые читал ранее, и смысл их захлестнет его своей силой. «Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и липа их не постыдятся» (Пс.33:6). «К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах! Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы — на руку госпожи ее, так очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он милует нас» (Пс.122:1-2). Человек в поисках милости Божьей взирает на Бога милости и не отводит от Него своего взора, доколе Он не дарует Своей милости. И Сам наш Господь всегда взирал на Бога: «...воззрел на небо, благословил и преломив дал хлебы ученикам...» (Мф.14:19). Конечно же, Иисус учил поступать так, как поступал Сам, во всех делах Своих обращая духовные очи на Отца Своего. Его власть в постоянном взоре Его на Бога (Ин.5:19-21).

Небольшое число приведенных здесь текстов полностью отвечает общему смыслу богодухновенного Слова. Для нас этот смысл сконцентрирован в Послании к Евреям, где автор наставляет нас проходить предлежащее нам поприще, «взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса» (Евр.12:2). Из всего этого мы делаем вывод, что вера — это не результат однократного действия, но непрерывное обращение сердечного взора к триединому Божеству.

Выходит, что вера — это обращение наших сердец к Иисусу. Вера есть возведение духовных очей на «Агнца Божия», непрерывное созерцание Его на протяжении всей жизни. Сначала такое может показаться делом трудным, но со временем будет легче и легче, если начнем не отступая взирать на Его чудесный Лик спокойно и без всякого напряжения. Помехой может стать рассеянность внимания, но если уж однажды сердце предается Ему, то сколько бы ни пришлось сворачивать со стези, ведущей к Нему, сердечная заинтересованность во Христе вновь возьмет верх, и покой оно найдет только в Нем, подобно тому как выпущенная на волю птица возвращается к своему окну.

Мне бы хотелось обратить внимание на одно обстоятельство, на один великий произвольный акт, который утверждает нас в нашем сердечном влечении к вечному созерцанию Христа. Бог принимает такое наше стремление за наш выбор, принимает во внимание и то, что имеются тысячи отвлекающих моментов, которые осаждают нас в этом порочном мире. Он знает, что мы направили устремления своего сердца к Иисусу; также и мы можем знать об этом и утешаться, что привычка концентрироваться на Христе приведет в дальнейшем, через некоторое время, к некоему духовному рефлексу, который уже не потребует никаких сознательных усилий с нашей стороны.

Из всех добродетелей вера менее всего осознается как добродетель. По самой природе своей вера едва осознает собственное существование. Подобно органу зрения, который видит то, что находится у него во фронтальной плоскости, но не видит самое себя, вера занята Объектом, на Котором покоится взор духовных очей ее, а на себя она не обращает вообще никакого внимания. Взирая на Бога, мы не видим себя — вот оно благословенное избавление. Человек, который в одиночку боролся с тем, чтобы очиститься, но кроме повторных безуспешных попыток у него ничего не выходило, почувствует действительное облегчение, когда перестанет возиться со своей душой и станет взирать на Совершенного. Пока он взирает на Христа, то, что он так долго старался исполнить, случится в его внутреннем «я». Это Бог станет трудиться над его волей и делами.

Сама по себе вера не есть достойное деяние; достоинство заключено в Том, на Кого она, эта вера, направлена. Вера есть переориентация нашего видения, перенос нашей сердечной направленности с самого себя на созерцание Бога. Грех обратил наши глаза внутрь и сделал наше видение мира эгоцентричным. Неверие поместило наше внутреннее «я» на место, где должен находиться Бог, и сблизило его с Люцифером, сказавшим: «Вознесу престол мой превыше Престола Божия». Вера взирает не *внутри* себя, а *вне*, и все в жизни приходит в гармонию.

Все это может показаться излишним упрощением. Но мы не станем оправдываться. Тем, кто выбирает одно из двух: с помощью Божьей подняться в небо или, отказавшись от нее, спуститься в ад, Бог говорит: «Близко к тебе слово... то есть слово веры...» (Рим.10:8). Живое Слово побуждает нас возвести очи свои к Господу, и тогда начнется благословенный труд веры.

Возводя духовные очи к Богу, мы верим, что встретим взор дружеских очей, ибо написано, что очи Господа на всей земле. Сладкозвучный язык переживания этого чувства выражен в словах «Ты Бог видящий меня». Когда духовные очи человека, взирающего не на себя, а на Бога, встречаются с очами Господа, взирающими на человека. Царство Небесное утверждается уже здесь, на земле.

Николай Кузанский писал более четырех веков тому назад: «Когда все стремления мои обращены на Тебя, поскольку все стремления Твои обращены на меня, когда я взираю на Тебя одного и ни на что иное, поскольку Ты окружил меня Твоею заботой, когда я направляю свою любовь к Тебе одному, поскольку Ты, Который Сам есть любовь, обращаешься ко мне одному, тогда что есть, Господи, жизнь моя, как не сие объятие, каким Твоя восхитительная сладость так нежно охватывает меня?"

Хочется сказать побольше об этом старце, человеке Божьем. Сегодня не многие христиане знают о нем, а фундаменталистам он вообще неизвестен. Думаю, что нам полезно знакомиться поближе с мужами, обладающими теми духовными качествами, какими обладал Николай Кузанский, и со школой христианской мысли, которую таковые представляют. Христианская литература, чтобы быть одобренной евангелистскими деятелями нашего времени, вынуждена держаться своего рода «партийной линии», с которой уклониться и от которой спастись едва ли возможно. Полувековая история подобного состояния дел в Америке привела к тому, что мы сделались чопорными и самодовольными. Мы раболепно стараемся походить друг на друга. У нас принято громко заявлять о таких вещах, о которых и так всякий и каждый говорит в нашем окружении, оправдываясь тем, что, мол, это наши небольшие вариации на одобренную тему или по крайней мере новые иллюстрации.

Николай Кузанский был истинным последователем Христа, любил Господа, излучал свет и отличался своею преданностью Иисусу. Его богословию присуща ортодоксальность, и в то же время оно благоухает свежестью, чем, собственно, все, касающееся Иисуса, и должно отличаться. Его представления о вечной жизни, к примеру, возвышенны и, если не ошибаюсь, ближе по духу контексту Ин.17:3, нежели наши современные. Жизнь вечная, утверждает Николай, есть «не что иное, как благословенный взор, которого Ты никогда не отводишь от меня, и даже от самых потаенных уголков души моей. Взирая на меня, Ты даруешь мне жизнь; жизнь сия есть беспрестанный дар сладчайшей любви Твоей, и дается

она мне, дабы Твоя любовь воспламенила мою любовь к Тебе, и питала меня этим огнем, и, питая, воспаляла мое желание, давая мне пить от росы веселья, чтобы от питания сего бил источник жизни, умножающий и укрепляющий ее».

Итак, если вера есть взор нашего сердца, обращенный на Бога, и если этот взор возведенных на Бога духовных очей встречается со всевидящими очами Бога, то, значит, это самое легкое из всего, что доступно человеку. Это должно быть так же легко, как легко Богу жизненно важное сделать доступным для слабейших из нас и нищих духом.

Из всего вышесказанного можно сделать несколько очевидных выводов. Например, о простоте веры. Поскольку верить — значит взирать, то верить можно без всяких особых приготовлений или религиозных принадлежностей. Бог так устроил, что все жизненно необходимое никогда не зависит от каприза случая. Принадлежности религиозного поклонения могут повредиться или затеряться, вода может вытечь, записи могут погибнуть в огне, слугитель может задержаться, а храм сгореть дотла. Однако все это внешнее по отношению к душе и подвержено несчастным случаям и механическим повреждениям. Возведение же очей идет от сердца, и взирать на Бога может любой человек, стоящий, коленопреклоненный или лежащий в предсмертной агонии за тысячу миль от ближайшей церкви.

Поскольку вера — это возведение очей к Господу, верующий может это сделать в любое время. Каждый момент может оказаться подходящим для этого сладчайшего из занятий. Бог никак не связал спасения с фазами луны, святыми днями или субботами. Человек нисколько не ближе к Иисусу в день христианской Пасхи, чем, скажем, в субботу третьего августа или понедельник четвертого октября. Пока Христос восседает на троне Посредника, каждый день благ и всякое время есть время спасения.

Также и место не имеет никакого значения в этой благословенной вере в Бога. Возведите свои очи горе и дайте сердцу найти покой у Христа, и вы немедленно войдете в святилище, хотя перед этим могли занимать спальное место в пульмановском вагоне, трудиться на фабрике или возиться на кухне. Бога можно увидеть отовсюду, если только душа ваша настроена любить и слушать Его.

Кто-то спросит. «Разве не относится то, что вы говорите, к особому рода людям, например, монахам или служителям, у которых по роду их деятельности есть время для тихих бдений? Во всяком случае этого не отнесешь ко мне, потому что я постоянно занят на работе и времени уединяться у меня просто нет». Этим читателям я рад сообщить, что жизнь, которая описывается здесь, это жизнь всякого из чад Божьих, независимо от их призвания. Такую жизнь на самом деле ведут многие весьма занятые люди, и такая жизнь доступна всем.

Секрет того, о чем я толкую здесь, многие постигают не тогда, когда задумываются о том, что творится у них внутри, но когда постоянно упражняются в навыках созерцания Бога. Такие люди знают, что нечто внутри их сердца созерцает Бога. Даже тогда, когда они вынуждены сознательно переключить свое внимание на земные объекты, внутри них остается некая таинственная связь с Богом. Стоит вниманию их на мгновение отойти от неотложных дел, как тотчас их внутренний взор снова обращается к Богу. Таково свидетельство большого числа верующих людей, столь многих, что у меня, когда я пишу эти слова, возникает чувство, что я невольно цитирую кого-то, хотя кого и в каком объеме — не знаю.

Я не хочу сказать, что обычные средства стяжания благодати уже не имеют никакой цены. Конечно же, имеют. Уединенная молитва должна стать сердцем жизни всякого следующего за Христом. От долгих размышлений над прочитанным Словом Божьим очищаются наши глаза и обращаются в верном направлении, от посещений общих богослужебных собраний расширяется наш кругозор и умножается любовь к ближнему. Служение, плюс труд, плюс деятельность — все это хорошо и всем этим должен заниматься добрый христианин. Но в основании этого, придавая ему смысл, покоится установка на созерцание Бога. В нас формируется новый, если можно так выразиться, орган духовного

зрения, который дает возможность взирать на Бога, между тем как прежнему, материальному, предоставлено право рассматривать сцены преходящей жизни.

Некоторые в страхе могут сказать, мол, здесь безмерно прославляется личная, замкнувшаяся на себе религия, и новозаветное «мы» наполняется эгоистическим «я». Приходилось ли вам когда-нибудь в жизни встречаться с тем, как сотня фортепиано, настроенных по одному камертону, автоматически настраивалась друг на друга? Будучи настроены, они звучат в унисон, но не друг с другом, а с иным стандартом, которому каждый из них в отдельности должен подчиниться. Так же и сотня почитающих Бога, собравшихся вместе в поисках более тесных братских отношений если каждый из них взирает на Христа, то все они духовно ближе друг другу, чем когда, стремясь к «единству», все отвращают взоры от Христа. Общественная религия станет более совершенной, если очистится религия персональная. Организм укрепляется по мере оздоровления отдельных его органов. Всей церкви Божьей прибиток, когда члены, составляющие ее, пребывают в поисках горней жизни.

Все сказанное выше предполагает наличие истинного покаяния и полного предания души Богу. (Впрочем, едва ли было нужно упоминать об этом, поскольку только те, кто именно так предались Богу, и могли добраться до этого места).

Когда навык духовного созерцания Бога укрепится в нас, мы выйдем на новый уровень духовной жизни в полном соответствии с Божьими обетованиями и новозаветным духом Троицын Бог станет местом нашего пребывания, хотя наши стопы все еще будут ходить замысловатыми путями, поскольку мы должны оставаться между людьми. Мы, конечно, найдем высшее благо жизни. «Это источник всех радостей, какие только возможны, но ни ангелам, ни людям не только ничего из этого представить до конца невозможно, но ничто лучшее и существовать не может ни в том, ни в другом способе бытия! Ибо здесь абсолютный максимум всякого разумного желания, превыше которого и быть не может».

Господи! Я услышал благое слово с призывом взглянуть на Тебя, и насытиться. Сердце мое стремится ответить, но грех затемнил мое зрение так, что я вижу Тебя, но смутно. Благоволи, Господи, очисти меня Твоею драгоценною Кровию и навести в сердце моем чистоту, дабы спали пелены с очей моих и я мог созерцать Тебя все дни моего земного странствия. Тогда буду готов взирать на Тебя, Преславный, в тот день, когда Ты явишься, дабы прославиться в святых Твоих и восхитить всех верующих в Тебя. Аминь.

8. Восстановить отношения с Творцом

Будь превознесен выше небес, Боже, и над всею землею да будет слава Твоя!

Пс.56:6

Это правда, что порядок в мироздании зависит от правильно устроенных взаимоотношений; гармония возникает тогда, когда всякая вещь занимает в отношении другой свое, только ей одной предназначенное место. Не иначе строится и все человеческое бытие.

Выше, в предыдущих главах, я уже упоминал о том, что причиной всех человеческих невзгод является коренное нравственное расстройство, беспорядок в наших отношениях с Богом и друг с другом. Каким бы еще ни представлялось нам грехопадение человека, несомненно одно — оно стало катастрофическим переломом, переменной в отношениях человека с его Творцом. Человек усвоил в отношении Бога иную установку и вместе с этим расстроил должную связь между Творцом и тварью, в которой, о чем он и не знал, крылось его истинное блаженство. Спасение в сущности есть восстановление должного отношения человека к своему Создателю, нормализация связи Творца с тварью.

Духовная жизнь, исполненная удовлетворения, начнется с полной перемены в отношениях между Богом и грешником, перемены не просто законной, но осознанной и

внутренне прочувствованной, способной оказать воздействие на все существо грешника. Омовение в Крови Иисуса делает подобную перемену законной, участие в этом Святого Духа делает ее волнующей и убедительной. Последнюю фазу прекрасно иллюстрирует известный рассказ о блудном сыне. Он навлек на себя массу неприятностей, отвергнув то положение, которое занимал законно, будучи сыном своего отца. Причиной восстановления положения в семье стало не что иное, как восстановление его отношений с отцом, которые существовали с момента его рождения и временно распались в результате греховного акта его неповиновения. Повесть о блудном сыне не анализирует законности искупления, но прекрасно иллюстрирует практические аспекты спасения.

Чтобы дать определение отношениям, надо с чего-то начать. Где-то должен находиться некий непреложный, неизменный, постоянный центр, точка опоры, отсчета, масштаб, где бессилён закон относительности, и где можно без оглядки и поправок сказать «есть». Таким центром является Бог. Когда Бог посчитал необходимым открыть человечеству Свое имя, лучшего слова, нежели «Я есмь», Он не нашел. Когда Он говорит от первого лица, Он говорит «Я есмь»; когда мы говорим о Нем, мы говорим «Он есть»; когда мы обращаемся к Нему, мы говорим «Ты есть». Все повсюду отталкиваются от этой непреложной, неизменной, постоянной точки опоры, измеряя ею все остальное. «Я есмь Сущий,— говорит Бог, — Я не изменяюсь».

Подобно тому как мореплаватель определяет свое местоположение в море по солнцу, так и мы, взирая на Бога, можем определять свой нравственный багаж. Бог прежде всего. Мы правы тогда и только тогда, когда занимаем верную позицию по отношению к Богу, и не правы постольку и до тех пор, поскольку и пока занимаем какую-то иную позицию.

Многие затруднения, возникающие у нас как у христиан, ищущих Бога, проистекают из нашего нежелания принимать Его таким, каков Он есть, вверяя Ему свою жизнь. Мы упорно пытаемся изменить Его и изобразить похожим больше на себя. Плоть хнычет, противясь суровой непреклонности приговора и, подобно Агагу, выпрашивает хотя бы малой милости, небольшого снисхождения своим слабостям. Но такой номер не проходит. Только приняв и возлюбив Бога таким, каков Он есть, можно стать на верный путь. А все больше и больше познавая, каков Он есть, мы обнаружим источник невыразимой радости в том, что Он такой, каков Он есть. Наибольший восторг, когда-либо испытанный нами, мы испытаем тогда, когда научимся благоговейно восхищаться Божеством В святой миг такого восхищения Богом даже представление о том, что Бог может измениться, вызовет страшную боль.

Так что Бог прежде всего. Он за всем, превыше всего и прежде всего; Первый по счету, Верховный по рангу и положению. Возвышенный по достоинству и славе Своей. Как Сущий Сам по Себе, Он дает начало всему, и все происходит из Него и для Него. «Достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (Отк.4:11).

Всякая душа принадлежит Богу и живет Его волей. Бог таков, каков есть, и мы таковы, каковы есть, и единственно возможные отношения между нами — это отношения абсолютного господства со стороны Бога и полного подчинения с нашей. Мы обязаны Ему всякой славой, какую только можем вознести Ему. Наша же извечная печаль возникает от того, что мы воздаем Ему нечто меньшее.

Поиски Бога будут заключаться в тяжком и полном подчинении Ему своего «я». И не в правовом аспекте, а фактически. Я не говорю об оправдании по вере. Я говорю о добровольном вознесении Бога над собой и о радостном, с должным смирением, преданном Богослужении, соответствующем отношениям Творца и твари.

В тот самый миг, когда мы дерзнем пойти дальше в решимости вознести Бога превыше всего, мы отделимся, вычленимся из порядка мира сего. Мы окажемся неприспособленными шагать путями его, и это тем больше, чем дальше проследуем мы стезями святости. Мы приобретем новую точку зрения; новая и отличная от нынешней психология сформируется внутри нас; новая сила станет удивлять нас взлетами и падениями.

Наш разрыв с миром станет прямым следствием нашего изменившегося отношения к

Богу. Падшее человечество не участвует в славе Божьей. Так оно и есть, ибо миллионы людей носят Его имя, выказывая Ему некие знаки почтения, но даже небольшое испытание показывает, сколь ничтожно мало наше почитание Бога. Если попробовать проверить обычного человека, кого или что он ставит превыше всего, откроется его истинное лицо. Предположим, ему надо сделать выбор между Богом и деньгами, между Богом и людьми, Богом и личными амбициями, Богом и собственным «я» или между Богом и человеческой любовью. Мы увидим, что Богу всякий раз будет отведено второе место. И хотя испытуемый будет возражать, доказательством будет выбор, который он станет совершать день ото дня в течение всей своей жизни.

«Будь превознесен» — вот язык победоносного духовного опыта. Вот золотой ключик к дверце, ведущей к великим сокровищам благодати. Благодать же есть средоточие духовной жизни в Боге. Да отыщет взыскующее сердце то место, где душа и уста соединяются в непрестанном восклицании: «Будь превознесен», — и тогда тысячи мелких дел исполнятся немедля. Христианская жизнь этого человека перестанет быть сложной, как это было прежде, и станет простой в самом существе своем. Укрепляя волю, он становится на курс и не сбивается с него, управляя своим дальнейшим движением как бы на автопилоте. Если какой противный ветер собьет его с этого курса на миг, он непременно вернется назад, ведомый тайным желанием сердца. Сокровенные движения Духа совершаются во благо ему, и «звезды с путей своих» (Суд.5:20) сражаются за него. Он разрешит свою жизненную проблему, проникая в ее суть, и за ней последует все остальное.

Предавая все свое Богу, не следует воображать, что при этом можно утратить человеческое. Самоотдача Богу не приводит человека к деградации личности; наоборот, предавшийся Богу находит свое истинное призвание как сотворенный по образу и подобию Творца. Страшный позор человека состоит в моральном упадке, наступившем вследствие незаконного захвата места Божьего. Его слава будет возвращена ему, если он вернет на место сей престол. Превознося Бога превыше всего, он найдет свою собственную высочайшую славу.

Нежелающему усмирить свое «я», подчинить свою волю надлежит вспомнить слова Иисуса: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин.8:34). Нам следует служить кому-то одному из двух: Богу или греху. Грешник гордится своей независимостью, совершенно не понимая того, что он немощный раб греха, управляющего его членами. Человек, который смиряется пред Господом Христом, меняет жестокого хозяина-эксплуататора на кроткого и смиренного Учителя, иго Которого благо, а бремя легко.

Вернув себе то, что предопределил для нас Господь, мы вряд ли посчитаем странной мыслью принять Бога за наше «Все». Бог был нашей первозданной и прекрасной обителью, и наши сердца, вновь вступая в нее, не могут не ощущать себя вернувшимися на родину.

Надеюсь, понятно, что в требовании признать Божье превосходство есть своя логика. Место превыше всякого принадлежит Богу и на земле, и на небе. Когда это место, по праву принадлежащее только Богу, занимаем мы, в расстройство приходит все наше жизнеустройство. Ничто не восстановит, в принципе не восстановит, порядка в жизни, пока наши сердца не примут великого решения: Бог превыше всего.

«Я прославлю прославляющих Меня», — сказал Бог в один прекрасный день первосвященнику Израиля, и этот древний закон Царства не поколебался от времени или в силу перемены домоправителя. Вся Библия в целом и каждый исторический эпизод ее увековечивают этот закон. «Кто Мне служит, того почитит Отец Мой», — сказал наш Господь Иисус, связывая старое с новым и открывая сущностное единство Своего пути с жизненной стезей человечества.

Иногда лучший способ познать предмет — просто обратить внимание на его противоположность. Илий с сыновьями его был поставлен на первосвященство при условии, что они будут чтить Бога всем своим существованием и служением. Этого им сделать не удалось, и Бог посылает Самуила объявить о последствиях. Незвестный Илию закон взаимно обязывающего прославления действовал все время незаметно, и вот наступило

время суда. Офни и Финеес, безбожные священники, пали в сражении; невестка Илия умерла в родах; Израиль побежал пред врагом; ковчег Божий был взят филистимлянами, и старец Илий упал навзничь и умер, сломав себе шею. Илий не умел чтить Бога, и произошла ужасная трагедия.

Полной противоположностью представляется любой библейский персонаж, который в своем земном хождении старается искренне славить Бога. Посмотрите, как Бог закрывает глаза на немощи и покрывает слабости, изливая на рабов Своих благодать и невероятные благословения. Возьмите Авраама, Иакова, Давида, Даниила, Илию или того, кого предпочтете сами; почести следуют за почестями, как урожай за посевом. Человек Божий настраивает сердце свое на то, чтобы превознести Бога превыше всего, — Бог принимает его намерение и действует в соответствии с этим. Не совершенство, а святое намерение — вот что существенно важно.

Господь наш Иисус Христос явил этот закон в простоте совершенства. В Своей человеческой ипостаси Он унизился и с радостью предал всю славу Своему Небесному Отцу. Он искал не Своей славы, но славы Бога, Который послал Его. «Если Я Сам Себя славлю, — молвил Он однажды, — то слава Моя ничто: Меня прославляет Отец Мой» (Ин.8:54). И настолько уклонились горделивые фарисеи от исполнения этого закона, что им было не понять Того, Кто прославил Бога ценой собственной жизни. «Я чту Отца Моего, — сказал им Иисус, — а вы бесчестите Меня» (Ин.8:49).

Другое высказывание Иисуса, причем наиболее трогательное, звучит в форме вопроса: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?» (Ин.5:44). Если я правильно понял это место, Христос с тревогой предупреждает здесь о такой жажде славы среди людей, которая делает веру чем-то невозможным. Не этот ли грех лежит в основании религиозного неверия? Может быть, «интеллектуальные затруднения», на которые люди велят вину за свою неспособность верить, всего лишь дымовая завеса, выпускаемая с целью утаить истинную причину? Не это ли страстное желание человеческой славы превратило людей в фарисеев, а фарисеев в богоубийц? Не эта ли тайна кроется за религиозной самоправедностью и бессодержательностью богослужений? Думаю, так оно и есть. Весь миропорядок выводится из состояния равновесия, когда нам не удастся вернуть Бога на место, принадлежащее Ему по праву. Вместо того чтобы величить Бога, мы превозносим самих себя, и за этим следует проклятие.

Стремясь к Богу, давайте помнить всегда о том, что и Бог стремится к сынам человеческим, особенно к тем из них, которые принимают раз и навсегда решение превознести Его превыше всего. Таковые Богу драгоценны больше всех сокровищ земных и морских. В таковых Бог находит поле действия, на котором Он может проявить Свое безмерное благо во Христе Иисусе. С таковыми Бог может шествовать беспрепятственно; с таковыми Он может действовать как Бог, Который есть.

Говоря это, я испытываю некий страх, содержание которого таково: я могу убедить разум человека прежде, нежели Бог приобретет сердце. Суть в том, что принять установку «Бог превыше всего» не так-то и просто. УМОМ это можно одобрить, не имея между тем согласия воли проводить эту установку в жизнь. В то время как воображение стремится славить Бога, воля плетется в арьергарде, а человек так и не догадывается о том, что сердце его разделилось. Цельный человек принимает решение прежде, нежели сердце познает какое-либо реальное удовлетворение. Бог хочет цельного человека, и Он не успокоится до тех пор, пока не обретет нас в нашей цельности. Частью же человеческой личности Он не станет довольствоваться.

Давайте помолимся об этом, павши ниц пред Богом и говоря то, что мы действительно думаем. Молящемуся искренно не понадобится долго ждать признаков Божественного одобрения. Бог хочет представить славу Свою пред очами слуги Своего в истинном свете и желает предоставить в распоряжение искренне молящемуся все Свои сокровища, поскольку Он знает, что слава Его сохранится в его освященных руках.

О, Боже! Будь превознесен превыше всех моих владений. Ничто из земных сокровищ да не покажется мне дороже Тебя, дай только прославить Тебя своею жизнью. Будь превознесен над всеми узами дружбы и прязни моей. Я решил, что Ты будешь превыше всего, даже если я останусь один посреди земли. Будь превознесен превыше всех моих удобств. Пусть я лишусь всех привилегий и понесу тяжелый крест, но я удержу свой обет пред Тобою. Будь превознесен превыше моего доброго имени. Сделай так, чтобы я жаждал искать Твоего благоволения, пусть даже в результате сего я окажусь в неизвестности и имя мое забудут как сон. восстань. Господи, и займи Свое место славы: превыше моего честолюбия, превыше моих симпатий и антипатий, превыше семьи моей, моего здоровья и даже самой жизни. Дай мне умяться, дабы Тебе возрасть; дай мне опуститься, дабы Ты вознесся. Въезжай на мне, как Ты въехал в Иерусалим на смиренном скромном животном, осле, сыне подъяремной, и дай мне услышать чад Твоих, прославляющих Тебя: «Осанна в вышних». Аминь.

9. Кротость и покой

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Мат.5:5

Если взять заповеди блаженства, вывернуть их наизнанку и дать непосвященному со словами. «Вот ваша человеческая природа», то последний получит довольно точное представление о природе человека. Используя метод от противного, идя от добродетелей, описанных в заповедях блаженства, в обратную сторону, мы получим те самые свойства, которые характеризуют человеческое бытие и поведение.

В человеческой психике нет ничего похожего на добродетели, о которых Иисус говорил в начале Нагорной проповеди. Вместо нищеты духа мы имеем гордыню, циничнее которой трудно найти; вместо плачущих среди нас сплошь и рядом сластолюбцы, искатели удовольствий; вместо кротости мы проявляем высокомерие; вместо людей алчущих и жаждущих правды, люди говорящие: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды», вместо милости находим бессердечие; вместо чистоты сердечной встречаем болезненные фантазии; вместо миротворцев встречаем людей вздорных и обиженных; вместо изгнанных за правду и блаженных — людей, дающих отпор при помощи всякого оружия, какое только имеется в их распоряжении.

Вот такая нравственная материя формирует наше культурное общество. Вся атмосфера пропитана этой материей; мы вдыхаем ее с каждым вдохом и пьем с молоком матери. Культура и образование несколько облагораживают эту атмосферу, оставляя в неприкосновенности ее основу. Литературный мир был создан, чтобы представить этот образ жизни эталоном нормы. Удивительнее всего то, что все это есть зло, делающее жизнь каждого из нас ареной жестокого сражения. Вся наша душевная боль и громадное количество физических болезней прямо проистекают из наших грехов. Гордыня, высокомерие, возмущение, болезненные фантазии, злые помыслы, жадность порождают больше человеческих страданий, нежели все болезни, когда-либо поражавшие смертную плоть.

В таком мире слова Иисуса звучат чудесным и необыкновенным образом, как глас свыше. Благо, что Он говорил, ибо никто не смог бы сделать этого с тем же успехом; и благо, что мы слушаем Его слова. Слова Его — это сущая истина. Он не высказывает мнений; Иисус никогда не вводил в обращение мнений. Он никогда не предполагал и не гадал; Он знал и знает ныне. Слова Христа — не слова Соломона, не результат здравого смысла вместе с проницательной наблюдательностью. Он говорил от полноты Своей Божественной сущности, и слова Его суть сама Истина. Он Один мог говорить слово «блаженны» с полным правом, ибо Он есть Блаженный, пришедший свыше, чтобы даровать человечеству блаженство. И слова Его подкреплялись делами Его несравненно более могущественными,

нежели чьи бы то ни было здесь на земле. Если мы станем прислушиваться к Его словам, то найдем в них мудрость.

Иисус часто использовал слово *кроткий* в живых, крылатых выражениях, которые объяснял лишь позднее. В той же книге Матфея Он говорит нам больше о кротости и о том, как проявлять ее в своей жизни. «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф.11:28-30). В данном контексте представлены две вещи, противоположные друг другу: бремя и покой. Имеются в виду не конкретные тяготы, актуальные для первых слушателей Христа, но бремя, которое отягощает весь человеческий род в целом. Бремя это заключается не только в политическом угнетении, бедности или тяжком труде. Оно, это бремя, есть более серьезное, глубинное явление, нежели упомянутые здесь. Бремя это ощущается богатыми наряду с бедными, поскольку оно есть нечто, от чего нас никогда не избавит ни богатство, ни бедность.

Бремя, лежащее на человеческом роде, есть нечто тяжелое и сокрушающее. Слово, которое использует здесь Иисус, означает тяжелую поклажу или работу до изнеможения. Покой же есть простое освобождение от этого бремени. Покой не дело; покой приходит, когда мы прекращаем что-то делать. Его собственная кротость — это покой.

Давайте исследуем наше бремя. Наше бремя вообще есть нечто внутреннее. Оно вредит сердцу и разуму и добирается до плоти лишь изнутри. Во-первых, это бремя *гордыни*. Труд любви к своему «я», конечно, труд тяжкий. Подумайте сами и решите, разве большинство ваших скорбей возникло не от того, что кто-то говорил о вас с пренебрежением. Как только вы превращаете себя в маленького идола, по отношению к которому вам же и следует проявлять верноподданические чувства, так тут же найдутся такие, кто станет поносить вашего божка. Как вам при этом надеяться стяжать мир внутренний? Энергичные попытки вашего сердца защитить самое себя от каждого уничижительного замечания, оборонить его сверхчувствительную гордость от осуждения друга или врага никогда не обеспечат вашей душе внутреннего покоя. Пронесите эту борьбу через годы, и бремя ваше станет невыносимым. Однако же сыны человеческие несут это бремя постоянно, противореча всякому слову, брошенному в их адрес, сжимаясь от страха от каждого критического замечания, испытывая жгучую боль от любого, в том числе и надуманного знака невнимания к своей персоне, не находя себе места, если предпочли не его, а кого-то другого.

Нести такого рода бремя нет никакой необходимости. Иисус призывает нас в Свой покой, и кротость есть предложенный Им способ добиться такого покоя. Кроткого человека совсем не заботит, что кто-то рядом больше, чем он, ибо он давно уже решил, что мирская слава ничего не стоит. Он проявляет в отношении себя здоровое чувство юмора и учится выговаривать самому себе: «Послушай-ка, тебя опять обскакали? Предпочли кого-то другого? Переговариваются между собой, что ты не очень-то важный человек? И теперь тебе страшно больно от того, что мир говорит о тебе буквально то, что ты сам о себе говорил недавно? Не далее как вчера ты объявил Богу, что ты ничто, червь земной, а не человек. Но где же тогда твоя последовательность? Давай-ка, умири себя и перестань беспокоиться о том, что подумают о тебе люди».

Кроткого нельзя представлять себе в виде застенчивой мыши с комплексом неполноценности. Более того, кроткий человек в сфере нравственности способен быть отважным, как лев, и сильным, как Самсон; просто он перестал обманываться насчет того, кто он есть на самом деле. Он принял ту оценку, которую ему дал Бог. Он знает, что он слаб и немощен, поскольку Бог объявил ему это. Но вот парадокс — в то же самое время он в очах Божьих превышает ангелов небесных. Сам по себе он — ничто; с Богом — все. Таков его девиз. Он прекрасно знает, что мир никогда не оценит его так, как оценил Бог, а потому мир перестал тревожить его. Он обрел покой, предоставив Богу устанавливать Его цену. Он терпеливо ждет дня, когда на всякой вещи будет ценник, проявляющий ее реальную ценность. Тогда праведники воссияют в Царстве Отца их. Он хочет и будет ждать этого

благословенного дня.

Между тем он уже добился покоя для души. Будучи кротким, он рад, что отдал Богу оправдание свое. Давней самообороны больше нет. Душа его нашла покой, который приносит кротость.

Тогда же он освободится и от бремени *претензий*. Здесь я имею в виду не лицемерие, а обычное человеческое стремление сделать все возможное, чтобы скрыть от окружающего мира свое реальное внутреннее убожество. Грех сыграл с человечеством множество злых шуток, и в этом ряду стоит чувство ложного стыда. Едва ли найдется такой человек, все равно — мужчина или женщина, который бы осмелился предстать перед миром таким, каков он есть, не пытаясь представить себя в лучшем свете. Страх, как крыса в подполье, гложет сердце человека, он боится, что вдруг откроется всем, каков он есть на самом деле. Так культурного человека преследует страх, что в некий день явится рядом с ним человек, более культурный, чем он сам. Человек, наученный грамоте, боится человека грамотнее себя. Богач потеет от страха, что его одежда, дом или машина покажутся кому-то дешевкой по сравнению с теми же вещами другого богача. Так называемым «обществом» руководят мотивы не более возвышенные, чем эти, и бедные слои населения на своем уровне ничуть не лучше зажиточных.

Пусть не вызовут вашей улыбки эти тезисы. Бремена, о которых идет речь, — реальные явления, и мало-помалу они губят свои жертвы, погрязшие в подобной греховной и противоестественной жизни. Формировавшаяся в таких условиях в течение многих лет психология любит выставлять кротость в виде чего-то нереального, вроде мечты, идеала, до которого не ближе, чем до звезд небесных. Всем жертвам этой болезни Иисус говорит. «Должно вам стать как дети». Ибо малые дети не сравнивают; они получают настоящее удовольствие от того, что имеют, не соотнося этого с чем-то или с кем-то еще. А вот когда они становятся старше и в их сердцах начинает шевелиться грех, порождая ревность, тогда-то возникает и зависть. И тогда они уже утрачивают способность наслаждаться тем, что есть, если рядом у кого-то есть больше или лучше. И уже в этом раннем возрасте мучительное бремя опускается на их нежные души и никогда не оставляет их, покуда Иисус не освободит их.

Другой источник бремени — это *искусственность*, неестественность. Я уверен в том, что большинство людей живет в тайном страхе, что однажды они проявят беспечность, и враг или друг, заглянув в пустоту их убогих душ, разоблачит их. Поэтому они всегда напряжены, не знают состояния расслабленности. Яркие люди, как правило, внутренне напряжены, как струны, и насторожены, ибо боятся быть уличенными в какой-нибудь банальности или просто глупости. Путешественники боятся встретить своего Марко Поло, который сможет описать такое укромное место на планете, где они никогда не бывали.

Такое неестественное состояние есть часть печального наследия греха, к тому же в наши дни оно отягощено и образом нашей жизни. Реклама в основном ориентируется на наше обыкновение нести бремя претензии. Предлагаемые нам всевозможные «курсы» в различных областях знания откровенно рассчитаны на тех, кто является жертвами желания блистать на вечеринках. Книги, одежда и косметика — все используется для того, чтобы казаться, а не быть. Искусственность будет отпадать постепенно, как только мы преклоним колени у ног Иисуса и предадимся Его кротости. И тогда нас не станет заботить, что подумают о нас люди, поскольку мы угодили Богу. Тогда то, какие мы есть, станет главным, а то, какими мы кажемся, окажется в самом низу шкалы наших интересов. Помимо греха нам нечего стыдиться. Только греховное желание блистать побуждает нас казаться, а не быть.

Плотское сердце разрывается под игом гордыни и претензии. И нет никакого спасения от этого бремени, кроме кротости Христа. От благих и глубоких рассуждений здесь мало проку, ибо настолько велико это зло, что, когда мы выгоняем его в дверь, оно проникает к нам через форточку. Всем мужчинам и женщинам повсюду Иисус говорит: «Приидите ко Мне, и Я успокою вас». Покой, который предлагает Христос, это покой кротости, благословенное облегчение, приходящее в том случае, если мы принимаем себя такими,

какие мы есть на самом деле, и прекращаем претендовать на что-то большее. Вначале потребуется проявить мужество, однако необходимая благодать явится, не замедлит, как только мы поймем, что несем это новое и легкое бремя вместе с могущественным Сыном Божиим. Он называет его «Моим игом» и поддерживает один его конец, а мы — другой.

Господи, сделай меня искренним, как ребенка. Освободи меня от ревности о престиже, положении или месте. Я хочу быть простым и бесхитростным, как малое дитя. Освободи меня от наигранности и претенциозности. Прости, что я думаю о себе. Помогни мне забыть о себе и обрести настоящий мир, взирая на Тебя. Чтобы Ты. ответил на эту мою молитву, я смиряюсь пред Тобою. Возложи на меня Свое легкое бремя самоотвержения, которое принесет мне покой. Аминь.

10. ТАИНСТВО ЖИЗНИ

Итак, едите ли, пьете ли, или (иное) что делаете, все делайте в славу Божию.

1Кор.10:31

Одним из величайших препятствий, которые встречаются христианину на пути к обретению внутреннего мира, является установка делить жизнь на две сферы: святую и мирскую. Поскольку они изначально задуманы как отдельные и несовместимые друг с другом в нравственном и духовном отношениях и поскольку под давлением обстоятельств мы вынуждены постоянно пересекать их рубежи то в одном, то в другом направлении, наша внутренняя жизнь дробится и мы живем раздробленной, а не цельной жизнью.

Наше бедствие проистекает из того, что мы, последователи Христа, обитаем сразу в двух мирах — небесном и земном, духовном и материальном. Как дети Адама, мы живем в этом мире и неизбежно несем в себе все немощи плоти и болезни, которые человек передает по наследству своим потомкам. Чтобы просто жить среди людей, мы расплачиваемся годами тяжкого труда и заботы о земном. Совершенно противоположна этому наша жизнь в Духе. Будучи не от мира сего, мы обладаем иной, высшей жизнью, ибо мы чада Божьи; мы имеем статус небесных граждан и тесное общение со Христом

В результате вся наша жизнь расщепляется надвое. Невольно мы принимаем два стереотипа поведения. Первый исполнен чувством удовлетворения и твердо убежден, что он угоден Богу. Он представлен святыми делами, к числу которых обыкновенно относят молитву, чтение Библии, песнопение, посещение церкви и тому подобные поступки, вытекающие из веры. Эти дела отличаются тем, что не имеют прямого отношения к миру сему и не имели бы никакого смысла, если бы вера не указывала нам на иной мир, «дом нерукотворенный, вечный» (2Кор.5:1).

На противоположной от святых дел стороне располагаются дела мирские. Сюда включается вся наша повседневная жизнедеятельность, которую мы разделяем с сынами и дочерьми Адама: прием пищи, сон, труд, забота о теле и выполнение многих других безрадостных обязанностей, неизбежных здесь на земле. Все это мы исполняем часто без всякого желания и с тяжелым сердцем, а временами прося прощения у Бога за пустую трату времени и сил. В результате большую часть своей жизни мы испытываем беспокойство. Мы занимаемся своими обычными делами с чувством глубокой неудовлетворенности, печально говоря себе, что грядет день лучший, когда мы сбросим с себя эту земную оболочку, и ничто земное уже не сможет властвовать над нами.

Противопоставление святого и мирского существует издавна. Большинство христиан попадают на эту удочку. Они не могут примирить в себе требования этих двух миров. Они пытаются ходить по канату, протянутому между тем и другим царствами, однако не находят мира ни здесь, ни там. Силы их убывают, кругозор затуманивается, и радость уходит от них.

Полагаю, что нет никакой необходимости пребывать в подобной ситуации. Несомненно, что мы поставили себя перед дилеммой, которой на самом деле не существует.

Она есть плод недоразумения. Существование парной категории святое — мирское не находит никакого основания в Новом Завете. Освободиться от этой ловушки нам поможет более глубокое понимание христианских истин.

Сам Господь Иисус Христос является и здесь примером для нас, ведь для Него не существовало раздробленности жизни. Пред лицом Отца Своего Он жил на земле без всякого напряжения с младенчества и до смерти Своей, принятой на кресте. Бог принял жертву всей Его жизни, не делая различия между одним и другим. «Ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно» — вот краткий вывод из Его жизни (Ин.8:29). Живя с людьми, Он оставался уравновешенным и спокойным. И какое страдание Он принял на Себя за грехи всего мира! Этот шаг не был следствием нравственной или духовной несостоятельности.

Увещевание Павла «все делайте в славу Божию» больше, чем религиозный идеализм. Эти слова суть составная часть святого откровения, и их следует принимать за слово Истины. Тогда для нас открывается возможность превращать всякое действие, всякий поступок и всю нашу жизнь в славу Божью. А чтобы мы не испытывали ложного стеснения, Павел специально упоминает о пище и питье. Эту принадлежность жизни мы разделяем со смертными животными, и если эти физиологические акты, присущие и животным, можно исполнять, прославляя Бога, тогда просто трудно представить себе нечто, что не могло бы прославить Его.

Монашеская ненависть к телу, которая так рельефно выступает в трудах ранних христианских писателей, не имеет никакого обоснования в Слове Божьем. Верно, простая скромность, сдержанность, умеренность описаны в Священном Писании, но там не говорится о притворной стыдливости и ложном чувстве стыда. Новый Завет признает за истину то, что наш Господь в Своем земном воплощении облекся в настоящее, реальное человеческое тело и не делал никаких попыток как-то уклониться от исполнения неизбежных приложений к этому факту. Он жил в земном человеческом теле здесь, среди людей, и ни разу не сделал того, что было бы не свято. Его пребывание в человеческой плоти отмечает навечно всякое злое помышление о том, что в ней скрыто нечто врожденно оскорбительное для Божества. Наше тело сотворил Бог, и мы никак не оскорбляем Его, возлагая на Него ответственность за то, какими Он создал нас. Бог не посрамляется делами Своих собственных рук.

Но человек извратил все. Физиологические функции, совершаемые во грехе и вопреки установленному природой порядку, никак не прославляют Бога. Повсюду, где по своей воле мы привносим в отправления своего тела моральное зло, невинные и безвредные органы перестают функционировать так, как предусмотрел для них Бог, вместо этого мы получаем нечто вредное и вывернутое наизнанку, что не может принести славы Творцу.

Но допустим, что ни извращения, ни злоупотребления нет. Представим себе верующего во Христа человека, который пережил в своей жизни двойное чудо покаяния и возрождения. Теперь он живет согласно воле Божьей, которая открывается ему в силу его разумения в Слове Божьем. О таком человеке можно сказать, что всякое дело его есть или может быть столь же святым, как и молитва, водное крещение или вечеря Господня. Сказать так не значит низвести всякое деяние к одному неизменному уровню; наоборот, это значит всякий факт жизни вознести в живое Царство и обратить всю жизнь в таинство.

Если таинство есть внешнее выражение невидимой благодати, тогда следует не колеблясь принять приведенный выше тезис. Одним только актом посвящения всего себя Богу можно превратить всякие последующие действия в проявления этого посвящения. Не надо стыдиться своего тела — нашего земного слуги, как не стыдился Иисус того смиренного животного, на котором въезжал в Иерусалим. «Оно надобно Господу» (Мф.21:3), — можем сказать мы о своем теле, подверженном тлению. Если Христос обитает в нас, то мы можем носить Господа славы в себе, как носил в древности осел, подавая толпам повод восклицать: «Осанна в вышних».

Однако только *понимать* эту истину оказывается недостаточно. Если нам удастся избежать дилеммы святое — мирское, истина «войдет в нашу кровь» и станет определять

наши помышления. Нам следует неустанно упражняться жить для славы Божьей. Когда погружаешься в размышления об этой истине, часто обсуждаешь ее с Богом в своих молитвах, напоминаешь себе о ее существовании во всяком общении с людьми, вот тогда восприятие ее чудесного смысла становится полным. Древняя и болезненная двойственность утрачивает былое значение перед лицом спокойной цельности жизни. Понимание того, что мы принадлежим Богу полностью, что все наше Он принял и не отверг ничего, будет способствовать объединению нашей раздробленной внутренней жизни и соделает для нас святым все.

Но этого мало. Нажитые в течение долгого времени привычки не отмирают с легкостью. По зрелом размышлении и по великой благоговейной молитве можно окончательно вырваться из психологической ловушки разделения святого и мирского. Например, обыкновенному верующему будет трудно свыкнуться с мыслью, что его каждодневные занятия могут исполняться как богослужебные дела, приятные Богу во Иисусе Христе. Древнее противопоставление будет всплывать из подсознания, чтобы тревожить душевный покой. Не таков этот древний змий, диавол, чтобы упустить свою возможность. Он будет в кабине автомобиля, за письменным столом или в поле напоминать христианам, что они отдают лучшую часть дня мирским делам, оставляя своим религиозным обязанностям до смешного малую часть своего драгоценного времени. И если мы не будем заботиться о мире своей души, эти атаки врага могут привести ее в смятение и породить упадок духа.

Бороться с этим можно, только упражняясь в воинственной вере. Должно предлагать все свои дела Богу и верить, что Он принимает их. Следует твердо стоять на этом и непоколебимо верить, что всякий поступок во всякое время дня и ночи сослужит свою службу. Напоминайте Богу во время уединенной молитвы, что всякое дело наше направляется к Его славе; дополняйте это обращение тысячекратными мысленными молитвами во всякий день жизни. Давайте учиться превращать всякую работу в священническое служение. Давайте верить, что Бог присутствует в каждом простом труде нашем, и учиться искать Его там.

Разделение жизни на святую и мирскую углубляет внутренний раскол в нашей душе. Это заблуждение распространилось так широко, что, пытаясь бороться с ним, чувствуешь себя одиноким воином. Оно служит своего рода красителем, окрашивающим весь ход мыслей религиозных людей; оно надевает им на нос очки того же цвета, дабы им невозможно было определить построенные на его основании ложные выводы. Вопреки всем новозаветным догматам, об этом заблуждении говорили и его воспевали веками, принимая за часть христианской идеи, однако в нем нет ничего христианского. И только квакеры, насколько мне известно, воспринимали это заблуждение как ересь и находили мужество разоблачать его.

Вот как выглядят факты. В течение четырех сотен лет Израиль обитал в Египте в атмосфере вульгарнейшего идолослужения. Наконец, благодаря Моисею они вышли из этой земли и направились в землю обетования. Сама идея святости оказалась утраченной ими. Дабы поправить это, Бог начал с самого начала. Он поместил Себя в огненное облако, а позднее, когда была построена скиния, Он обитал в огненном проявлении в святая святых. Тысячекратно подавая разнообразные знаки. Бог учил Израиль различать священное и несвященное. Были священные дни, священные сосуды, священные одеяния. Были омовения, жертвы, приношения всякого рода. При помощи этих средств Израиль познавал, *что Бог свят*. Вот чему Он учил их, а не святости вещей или мест. Святость Иеговы — вот предмет, который должны были выучить сыны Израилевы.

И вот наступает тот великий день, когда является Христос. Не медля, Он начинает говорить: «Вы слышали, что сказано древним». А Я говорю вам...» (Мф.5:21-22). Ветхозаветные классы кончились. Когда Христос умер на кресте, завеса в храме разорвалась сверху донизу. Святая святых открылась для любого и каждого, кто захочет войти верою. Тогда вспомнили слова Христа: «...наступает время, когда и не на горе сей, и не в

Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин.4:21,23-24).

Вскоре Павел во имя свободы от всякого рабства объявил всякую еду чистой, всякий день святым, всякие места священными и всякое дело приемлемым для Бога. Времена, признававшие святость мест, как сумеречная пора образования человечества, прошли, миновали, когда восстало солнце духовного богослужения.

Духовность богослужения оставалась во владении церкви до тех пор, пока со временем не оказалась утраченной. Тогда укоренившееся в сердцах падшего человечества *законничество* начало возвращать древние отличия. Церковь снова начала соблюдать дни, периоды и времена. Определенные места были избраны и отмечены как особенно святые. Появились различия между одним и другим днем, одним или другим местом, одной или другой личностью. Святых таинств вначале было два, затем три, затем четыре, пока с победой католицизма их не стало семь.

Со всякою любовью и не желая думать плохо ни о ком из христиан, пусть и одуроченных, мне бы хотелось указать на то, что римская католическая церковь представляет это заблуждение, разделение жизни на святое и мирское, в его логическом завершении. Его мертвящий эффект приводит к полному расколу между религией и жизнью. Ее учителя пытаются избегать этой ловушки с помощью множества примечаний, объяснений и уточнений, однако разум инстинктивно стремится к логичности. Поэтому в практической жизни раскол воспринимается как очевидный факт.

Вот из этого капкана потрудились вытащить нас реформаторы, пуритане и евангельские мистики. Сегодня в консервативных кругах замечается возврат к прежним узам. Говорят, что лошадь, повинувшись какому-то дикому инстинкту, иногда порывает узы и бежит от спасителя, чтобы броситься в горящее здание и погибнуть в пламени. Фундаментализм наших дней с подобным же упрямством взял курс на духовное рабство. Соблюдение дней и времен становится все более и более выдающимся явлением. «Великие посты», и «святые недели», и «благие Пятницы» — вот слова, которые слышишь в разных местах из уст евангельских христиан все чаще и чаще. Похоже, мы не знаем, как остановиться.

Во избежание недоразумений я должен оттенить практический аспект учения, которое я отстаиваю, то есть учения о священном качестве всякого дня жизни. Чтобы высветить позитивное значение этого учения, хочу представить его на фоне негативного, то есть на фоне того, чего в нем нет.

Это учение вовсе не означает, к примеру, что все, что мы делаем, одинаково важно. Одно деяние в жизни благочестивого человека может значительно отличаться от другого. Павел шил палатки, но эти его дела никак не сопоставимы с тем, что он написал известное Послание к Римлянам. Однако Бог принимал и то и другое за истинно святые дела служения Ему. Конечно же, вести души к Богу важнее, чем насаждать сады, но насаждение садов *может быть* таким же святым делом, как и приобретение душ.

Опять-таки, мое учение вовсе не означает того, что все люди полезны в одинаковой мере. В Теле Христа дары разнятся между собою. Билли Брей несравним с Лютером или Уэсли по той пользе, которую каждый из них принес своей церкви и миру, однако служение менее даровитого брата столь же чисто, как и служение более одаренного, и Бог принимает обоих с одинаковой радостью.

«Прихожанин» никогда не должен думать о своей скромной миссии как о более низкой в сравнении с миссией своего наставника. Пусть всякий человек остается верным своему призванию на избранном поприще, и его труд будет столь же святым, как и труд служителя. Святой у человека труд или мирской, определяется вовсе не тем, что человек делает, а тем, почему он это делает. Все зависит от мотивации. Если человек славит Господа Бога в своем сердце, тогда в его жизни не может быть пустых дел. Все, что он делает, есть добро и

принимается Богом во Христе Иисусе Сама жизнь для такого человека станет священной, а мир — святыней Вся его жизнь будет священнослужением Исполняя простейшее задание, он услышит голос Серафима, говорящий «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис.6:3)

Господи, мне хочется довериться Тебе; мне хочется быть всецело Твоим; мне хочется превозносить Тебя превыше всего. Я желаю, чтобы во мне не было иных желаний, кроме желания иметь Тебя. Я хочу всегда ощущать Твою затмевающую все непосредственную близость, хочу слышать Тебя, Глас Глаголющего. Я жажду жить в покойной искренности сердца. Я хочу жить в полноте Духа, чтобы все помышления мои были как благовонный ладан, возносящийся к Тебе, и все дела моей жизни как дела священного богослужения. Посему я молюсь словами Твоего великого служителя в древности: «Я прошу Тебя так, дабы очистить намерения сердца моего неизреченным даром Твоей благодати, чтобы, я мог совершенно любить Тебя и достойно восхвалять Тебя». И все это, я верю. Ты подаришь мне во имя Иисуса Христа, Сына Твоего. Аминь.

http://royallib.ru/book/tozer_e/stremlenie_k_bogu.html